
Джаст Ап
МОРСКОЙ
РУБЕЖ

Джаст Ап

Морской рубеж

«Автор»
2026

Ап Д.

Морской рубеж / Д. Ап — «Автор», 2026

Смерть - не конец.В новом мире предстоит спасать людей и свой новый Род!
Боярка с боевыми мехами, но без нагибаторства и гарема.

© Ап Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Из грязи в князи 5
Глава 2. Короткий контур 15
Глава 3. Тревога над Мысовой 25
Глава 4. Цена победы 37
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Джаст Ап
Морской рубеж

Глава 1. Из грязи в князи

Правую ногу раздавило, но пальцами шевелить почему-то мог.

Я проверил ещё раз: большой палец упирался во что-то мягкое, остальные двигались свободно. От колена до пятки при этом жгло так, словно кость медленно проворачивали в раскалённых тисках.

— Арсений! Ответь! — голос надрывался у самого уха.

Попытался повернуть голову и захлебнулся: вода плеснула в лицо, попала в рот и нос. Солёная. Естественно закашлялся, тут же заболела грудь; я дёрнулся, но туго натянутые ремни не дали приподняться.

Пристёгнут к узкому ложу, которое теперь стояло почти на боку. Над лицом нависала выпуклая крышка. С треснувшего металлического ребра стекали капли, а чуть ниже светился мутный прямоугольник — что-то вроде экрана. На нём медленно смещались зелёные камни. Ни знакомых приборов, ни аварийной рукояти не видел.

— Арсений, если слышишь, стукни по оголовью! Один раз!

Имя мне не принадлежало, но тут больше никого не было. Решаю ответить. Поднял левую руку, нащупал на голове твёрдый обод и постучал по нему пальцем. И конечно, не один раз.

— Есть ответ! Корн, заводи вторую стропу!

Говорила женщина. Последние слова прозвучали тише: должно быть, она отвернулась от переговорника. Не стал её окликать: раз меня вытаскивают, надо слушать команды и по возможности не мешать. Это правило я сам повторял пострадавшим столько раз, что сейчас сразу его вспомнил.

Прижал подбородок к правому плечу, отводя рот от воды, и попытался понять, как здесь оказался?

Последнее, что помнил, — пульт в командном фургоне. На правом экране пропало изображение; на левом наш робот тащил по бетонному полу обломок перекрытия. В наушнике ругался Димка: под плитой застрял пожарный рукав, надо было приподнять край. Я потянулся к рычагу, и в этот момент за левым плечом грохнуло. Меня бросило прямо на пульт.

Дальше была темнота.

Что ещё? Меня зовут Григорий Алексеевич Соболев. Тридцать восемь лет, оператор аварийно-спасательных комплексов. Перед выездом на операцию не выспался, за смену дважды обжёгся кофе и собирался позвонить матери, как только тут освободимся. Всё это помнил отчётливо. Как и то, что фургон стоял на промышленной площадке, в нескольких сотнях километров от моря.

Надо мной скрежетнул металл.

— Сейчас качнёт! Не двигай Обличье, слышишь? — взволнованный голос женщины снова ударил в ухо.

Я не понял, о чём она, и попробовал осторожно подтянуть правую ногу. Хотел выяснить, зажата она или сломана. За стенкой глухо ударило железо, боль взметнулась от бедра к затылку, и на несколько секунд перестал слышать даже собственный крик.

— Не двигай! Правую голень оторвало! — голос посуровел.

«Я чем-то управляю? Как? Пока вообще ничего не понятно» — пронеслись у меня мысли.

Переждав новый приступ боли, опустил ладонь к колену. Под мокрой тканью нащупалась коленная чашечка. Ниже лежала целая голень: я провёл по ней рукой до щиколотки и обратно. Нога была на месте. Даже чувствовал прикосновения пальцев — сквозь боль, от которой темнело в глазах.

Значит, болело что-то другое. Понять бы ещё, каким образом.

— Отключите меня от управления, — выговорил я. — Можете отключить?

— Снаружи аварийный разрыв не сработал. Слева, под краем ложа, есть скоба. Сможешь дёрнуть?

Повёл ладонью вдоль ложемента. Указательный палец будто сам нашёл прорезь у бедра, отжал пружинящую защёлку и зацепил холодный металл. Я не знал, как устроено это ложе, но движение получилось привычным и точным — словно сработала мышечная память.

— Нашёл.

— Пока не тяни. Подача воздуха ещё идёт через контур. Корн, поднимайте!

В переговорнике послышался мужской голос; слов я не разобрал. Вода уже касалась нижней губы, и мне пришлось выгнуться, со всей силы натягивая ремни на груди. В горле саднило. Старался дышать ровнее — опасался глотнуть противной воды.

Почувствовал, как снаружи натянулись стропы. Корпус протяжно застонал, экран мигнул и погас. Меня медленно повернуло на спину. Вода схлынула с лица, и я жадно вдохнул. Когда прошёл новый приступ кашля, услышал команду:

— Теперь тяни скобу! До упора!

Я потянул. Металл сдвинулся совсем немного и застрял. Пришлось взяться обеими руками; от усилия заныло плечо, но скоба больше не поддавалась.

— Закусило.

— Попробуй чуть вниз, потом на себя. Не перекашивай!

Ослабил хватку, и, послушав совета, надавил сначала вниз, а следом поднял вверх. Под спиной что-то щёлкнуло. Скоба резко освободилась, а боль в ноге оборвалась так внезапно, что я не сразу поверил. Несколько раз ладонью сжал колено: оно было целым и почти не болело.

— Разрыв есть! — сообщила женщина. — Можно вскрывать!

По крышке застучали. Между её краем и стенкой показалось зубило, посыпалась светлая крошка. В щель хлынул дневной свет. Я потянулся к застёжке на груди, но дрожащие пальцы никак не могли её захватить.

Крышку подняли. Надо мной склонился седой мужчина с обгоревшей бровью:

— Лежи, — велел он низким голосом. — Мы сами, — просунул нож под ремень и одним движением перерезал его. Когда он справился со вторым, чьи-то руки подхватили меня под плечи.

Вынесли на свет, уложили на носилки. Успел заметить, что надо мной тянулась стальная стрела крана; у её основания гудел электромотор. После того, как глаза привыкли к солнцу, разглядел громадную металлическую кисть в воде у причала. Её пальцы упирались в камни; на одном не хватало двух последних суставов. От кисти тянулась рука — к плечу «робота», висевшего на стропах. В груди зиял открытый люк.

Именно оттуда меня только что достали.

Тот напоминал человека в тяжёлых доспехах, только был выше прибрежных домов. Правая нога обрывалась под коленом. Вместо голени висели рваные жгуты, с которых стекала вода.

Снова ощупал собственное колено и повернулся в другую сторону — посмотреть, куда я попал?

Бухта полумесяцем. Над бухтой клубился дым. За проломом в волноломе показалась длинная серая спина, покрытая костяными пластинами. С береговой башни гулко ударило орудие; возле спины взметнулся столб воды. Существо выгнулось и ушло в глубину. Я проводил взглядом расходившиеся волны.

Ниже башни теснились дома под красными крышами, выше поднималась скала. Вдоль её склона на стальных опорах тянулись толстые канаты, по которым ползли подвешенные грузовые платформы. Под ближайшей опорой рабочие разматывали силовой кабель. Всё это было слишком отчётливым для бреда: мокрая кладка причала, треск лебёдки, гул насосов. По краю причала бежали люди.

По привычке всё ещё высматривал пожарные машины. Тут мимо прошёл низкий тягач неизвестной конструкции с катушкой шланга на прицепе; водителя закрывало узкое ветровое стекло.

«Не Земля?!» — мозг, получив порцию фактов, осознал новую реальность.

— Дыши, Сеня. Посмотри на меня.

Рядом с носилками шла женщина в тёмном платье. На мокрой манжете расплылось пятно крови. Она держала меня за руку, и мне вдруг почему-то захотелось прижаться щекой к её ладони, закрыть глаза и больше ни о чём не думать. От этого желания стало почти стыдно: я не знал ни её имени, ни того, почему она смотрит на меня с таким волнением?

— Я здесь, — повторила женщина. — Всё, теперь я с тобой.

Хотел спросить, кто она, но вместо слов вырвался хрип, сознание погасло.

* * *

На следующий день проснулся от скрипа перьевой ручки.

Где-то далеко за окном мерно стучали по металлу. Через приоткрытую створку тянуло прохладой; в комнате пахло лекарством и остывшей кашей. Женщина с причала сидела у небольшого стола, перебирая бумаги. Тарелка возле её локтя была нетронутой.

— Выдайте рыбакам со старого склада, — сказала она кому-то в дверях. — Я подпишу.

— Это верфяной запас, Елена Михайловна.

— А у них сети на дне. Через неделю чем людей кормить будем?

— Двух тюков хватит?

— Дайте три. Только запишите, кто сколько получил.

Попробовал повернуться — простыня зашуршала, и женщина сразу повернула голову. Отложив ручку, она подошла к кровати:

— Пить хочешь?

Кивнул. Она подняла меня за затылок и поднесла кружку к губам. Вода была тёплой, с горьковатым привкусом. Выпил почти половину, прежде чем смог заговорить.

— Давно я здесь?

— Со вчерашнего дня. Полежи спокойно, не надо вставать.

Она попыталась улыбнуться, но тут же отвернулась, нервно поправляя одеяло. Хотел её как-то успокоить и уже открыл рот, когда заметил собственную руку.

Узкая ладонь, длинные пальцы, свежая ссадина на суставе большого пальца. Шрама поперёк запястья не было. Он остался у меня после того, как полез менять разбитый защитный кожух без перчаток. Тогда пришлось накладывать пару швов; выговор тоже получил. Провёл по запястью пальцами другой руки — кожа оставалась гладкой.

— Сеня, что такое?

— Дайте зеркало. Пожалуйста.

Она помедлила, потом взяла со стола маленькое зеркальце и поднесла к моему лицу.

На меня смотрел незнакомый парень лет двадцати с небольшим. Тёмные волосы, разбитая губа, синяк под левым глазом. Чистый подбородок, узкий прямой нос — совсем не такой, как мой. Я тронул щёку, и отражение послушно повторило движение.

Зеркало слегка дрогнуло в её руке. Женщина ждала, что я что-нибудь скажу, а я никак не мог подобрать слов. Сообщить, что это не моё лицо? Потребовать врача? Вчера видел робота с оторванной ногой. Сегодня проснулся в чужом теле. Как бы ни попытался это объяснить, прозвучало бы безумием.

— Я вас не помню, — сказал наконец.

Она медленно опустила зеркало:

— Совсем?

Отрицательно покачал головой. Её ладонь легла на одеяло; пальцы сжались, захватив складку ткани.

— Я мама, — произнесла она после паузы. — Елена. Ты дома, Сеня.

У меня защипало в носу. Едва удержался, чтобы не потянуться к ней, хотя по-прежнему не мог вспомнить ни одной встречи. Её голос успокаивал, прикосновение казалось знакомым, но за этим не возникало ни лиц, ни событий. От невозможности объяснить такое становилось страшнее.

Минут через десять пришёл доктор. Следом вошёл широкоплечий мужчина с короткой седеющей бородой. Левый рукав его куртки был подколот выше локтя. Женщина встала ему навстречу и взяла в ладони уцелевшую руку:

— Гриша, он меня не узнал, — тихо сказала она.

Он посмотрел на неё, потом в мою сторону:

— И меня не помнишь?

Я всмотрелся в его лицо: густые брови, короткий шрам возле рта. Он стоял чуть боком, опустив левое плечо. Мне почему-то захотелось выпрямиться и проверить, застёгнут ли ворот рубашки, но сказать, откуда взялось это желание, не мог.

— Простите…

Мужчина потёр переносицу, подошёл и осторожно сел на край кровати:

— Ну, познакомимся заново. Меня зовут Григорий Андреевич Вельский. Я твой отец.

«Попаданство с полным погружением» — выдал мозг. Отцу ничего не ответил.

Затем за меня принялся доктор: для начала отодвинул занавеску, чтобы было больше света. Проверил зрачки, попросил поднять руки и согнуть ноги, ощупал затылок. Затем достал из кожаного футляра небольшую рамку с золотистыми нитями.

— Положите сюда ладонь, Арсений Григорьевич, — моё новое имя, стоит привыкать?

Выполнил просьбу эскулапа. Под рамкой лежала матовая капсула, внутри которой просвечивал неровный комочек, похожий на мокрую губку. От него к нитям тянулись тонкие жилки. Доктор повернул колёсико сбоку, и кожу на ладони начало покалывать.

— Что вы проверяете?

Он коротко взглянул на мать, та кивнула:

— Ваш Отзвук. Если станет больно, сразу скажите.

Доктор тронул одну из нитей. Мне показалось, что она натянулась под кожей мизинца. Я отдёрнул руку, не успев даже вскрикнуть; он тут же повернул колёсико обратно.

— Достаточно.

Он осмотрел мои пальцы, сделал пометку на листке и убрал прибор. Возвращать ладонь на рамку не потребовал.

— Что там? — спросил отец.

— Простой отклик есть. Более глубокую связь удержать не удаётся. После такого разрыва это ожидаемо.

— Восстановится?

— Пока не скажу. Повторим проверку, когда спадёт жар. До тех пор никаких контуров.

Доктор закрыл футляр и обвёл взглядом обоих родителей:

— И не заставляйте его что-то вспоминать. Чем спокойнее пройдут ближайшие дни, тем лучше.

Собирался немного расспросить доктора, но внезапно затошнило, комната поплыла перед глазами. Пришлось лечь и дождаться, пока стены перестанут качаться. Доктор вместе с новоявленным отцом ушли.

Мама притушила светильник у кровати, повернув ребристую ручку на основании. Под матовым стеклом ещё теплилась нить. От тяжёлой подставки к розетке шёл витой шнур. Проследил его взглядом и уснул.

* * *

На следующий день решил дойти до двери без посторонней помощи.

От кровати до стола добрался довольно уверенно, но дальше пришлось опереться на стену. У самого порога закружилась голова. Попытался ухватиться за косяк, промахнулся и едва не упал на девушку, которая входила в комнату с подносом.

— Ты куда?

— Гулять.

— Ползком по полу?

Она быстро поставила поднос на стул и подставила плечо под мою руку. Довольно высокая, темноволосая, в серой рубашке с закатанными рукавами. На обоих запястьях виднелись красные полосы, словно от тугих манжет.

— Я сам дойду, — сказал, хотя уже почти висел на ней.

— Вижу. Только коленям об этом скажи.

Спорить не стал. Она помогла мне вернуться к кровати, дождалась, пока сяду, и придвинула поднос:

— Александра, — сказала девушка. — Твоя сестра. Младшая, если ты и это забыл.

— А командуешь как старшая!

— Кто первый встал, тот и старший. Ешь.

Невольно улыбнулся. Она заметила это, и лицо у неё немного смягчилось.

От рыбного супа поднимался пар; по краю миски прилипли тёмные крупинки пряностей. Я взял ложку, а Александра повернула миску, убирая сколотый край подальше от моей руки. Будто заранее знал, что она сейчас сделает, и даже придержал миску пальцами, помогая. Мы оба замерли.

— Что? — тихо спросила она.

Посмотрел на свою руку:

— Не знаю. Показалось, что помню.

Александра встала и подошла к окну:

— Ты всегда за этот край хватаешься. Мама велела миску выбросить, а ты не дал. Сказал, ручка удобная.

Провёл пальцем по широкой петле сбоку. Ручка и вправду была удобной, но это ничего не объясняло.

— Саша…

Имя вырвалось само. Девушка сразу обернулась, и я пожалел, что заговорил: продолжить было нечем. Она несколько секунд смотрела на меня, затем кивнула на поднос:

— Ешь, остынет.

Больше в тот день мы о памяти не говорили.

За следующие два дня я разобрался, куда попал. Страна называлась «Коронная Лигатура Семи Проливов», в быту — Лигатурой. Наш дом стоял на склоне над бухтой, на одном из островов Внешнего Зуба Четвёртого пролива. Из окна виднелись крыши верфи и сторожевая башня. Оказалось, что и верфь, и башня, и многие склады у воды принадлежали Вельским. Точнее, князьям Вельским, которые ответственны за оборону своего сектора от морских чудищ.

«Из грязи в князи» — пришло на ум про моё положение.

Узнавал всё это понемногу. Поначалу стоило задать несколько вопросов, как мать начинала трогать мой лоб, а вскоре появлялся доктор с вопросом о голове.

— А когда Отзвук не работает, свет тоже гаснет? — спросил у матери, показав на лампу.

Это я попытался наскоком выяснить, как устроена местная «магия», называемая Отзвуком, уж больно интересно. По идее, у моего тела он тоже должен быть, если «Арсений» управлял Обличьем — боевым роботом. С одной стороны это обязанность элиты Лигатуры, с другой — именно это даёт право на титул и земли.

— Почему свет должен погаснуть?

— Я не помню, что здесь от чего работает, — похлопал глазками.

Она посмотрела на выключатель, потом на меня:

— Это обычная лампа, Сеня. От электрической станции. Отзвук ей не нужен.

Сашу я удивил ещё больше, когда спросил, чем здесь расплачиваются? Она полезла в карман и выложила на одеяло две монеты, вроде серебряные.

— Такие помнишь?

— Теперь буду.

Саша не улыбнулась. Подвинула монеты ближе ко мне:

— Оставь пока. Посмотришь внимательнее.

Доктор объяснял родителям, что после аварийного выхода из сопряжения память могла пострадать и не стоит удивляться моим вопросам. Постепенно они перестали переглядываться после каждого уточнения бытовых мелочей. Мать теперь просто отвечала, не откладывая бумаг нашего Дома, а Саша иногда фыркала, но тоже объясняла.

О многом узнавал и без расспросов. Из бесед родителей понял, что нападения у проливов случаются нередко. Отец каждый день получал донесения о замеченных в округе монстрах; после некоторых он надолго уходил к себе.

Ночью, когда в доме стихали шаги, я проверял память о прежней жизни. Вспоминал адрес квартиры, код домофона, номер телефона матери. Мысленно проезжал от дома до базы, перебирал по порядку действия при запуске комплекса. Всё осталось на месте. Чётко помнил даже Димкину куртку на спинке стула и кружку со сколотым краем, из которой на дежурстве пил только начальник смены. Иногда знакомые мелочи успокаивали. Иногда лежал без сна до рассвета, думая о людях, которым уже не мог позвонить.

Новая жизнь была устроена совсем иначе. Я понимал местную речь, свободно читал записки, которые мать оставляла возле лекарств, и с первой попытки завязал шейный платок, хотя на Земле таких узлов не знал. Но стоило открыть ящик стола, и я терялся. Медный значок, три одинаковые костяные пластинки, свёрток с чужими письмами — ни один предмет не вызывал воспоминаний.

Под письмами нашёлся довольно детальный рисунок карандашом. На нём два парня смеялись: старший обхватил младшего за шею, а тот пытался вывернуться. Младший был очень похож на человека, которого я теперь видел в зеркале.

Вечером отец заметил рисунок у меня в руках. Сел рядом и поправил загнувшийся угол.

— Это мой брат? — спросил у него, вариантов тут немного.

Он кивнул.

— А где он?

Отец ещё раз разгладил бумагу, и вздохнул:

— Он погиб, Сеня.

Я опустил глаза, увидел пустой рукав отца и не стал расспрашивать. Видимо, постарались монстры, которые также отправили душу Арсения — прежнего владельца тела, в неведомые дали. А я неведомым образом занял его место. Это предназначение? Или просто случай?

* * *

На шестой день доктор повторил проверку. Вместе с ним пришла деловитая и боевая девушка лет тридцати, с коротко подстриженными волосами и шрамом от ожога на подбородке. Когда она поздоровалась, я узнал голос из переговорника:

— Это вы меня вытаскивали?

— Вытаскивал Корн. Я только говорила, куда тянуть. Варвара Чернова, инженер верфи Дома Вельских.

Она поставила на стол плоский деревянный ящик. Внутри лежали две рамки с золотистыми нитями, капсула побольше докторской и несколько разлинованных пластинок. Заметив, как я напрягся, Варвара убрала руку с застёжки.

— Полного сопряжения не будет, — сказала она. — Только проверим рисунок ответа. Почувствуешь боль — сразу убирай ладонь.

На этот раз продержался дольше. Несколько нитей над капсулой выстроились в ровный веер, две другие задрожали. Сначала покалывало лишь ладонь, но вскоре боль отдала в затылок.

— Стоп! — скомандовал ей.

Варвара сразу отключила прибор. Доктор проверил пульс, подождал, пока я отдышусь, и разрешил продолжить. Простой отклик, без заглубления, удалось проверить дважды. Под пальцами ощущалась мелкая дрожь, но боли больше не было.

Варвара долго сравнивала пластинки. Отец стоял рядом с ней и молчал; мать сидела у окна, сжав руки на коленях. Наконец Варвара переглянулась с доктором и повернулась ко мне:

— К полному сопряжению допустить не могу, пока опасно для самого тебя.

Мать шумно выдохнула. Отец глянул на неё, но ничего не сказал.

— Надолго? — уточнил он у Варвары.

— Мы надеялись, что после отдыха связь начнёт восстанавливаться. Жар спал, а рисунок остался прежним: простой контур держится, при заглублении идёт срыв. Проверять будем и дальше. Но пока рассчитывать на возвращение в строй нельзя.

Я не понимал большей части её слов. Зато хорошо помнил боль в оторванной железной ноге и то, как беспомощно лежал в воде, дожидаясь, пока меня вытащат.

— А ходить я смогу?

Варвара нахмурилась:

— Своими ногами? Конечно.

— Руками работать?

— Когда окрепнешь, — ответил доктор. — Для этого препятствий нет.

— Отзвук у тебя сохранился, — добавила Варвара. — Простые контуры доступны. Но управлять Обличьем ты сейчас не сможешь. Попытаешься — сделаешь себе хуже.

Кивнул и впервые за весь разговор почувствовал облегчение. Она заметила это раньше, чем я успел что-нибудь сказать.

— Ты понимаешь, о чём речь?

— Не совсем, — признался я. — Но боялся, что вообще не встану на ноги.

Отец подошёл к окну. Мать принялась переставлять чашки на подносе, хотя они никому не мешали. Похоже, прежний Арсений принял бы такую новость иначе. Родители, видимо, ждали, что начну спорить, требовать новой проверки. А я радовался, что смогу ходить.

Варвара собралась уходить.

— Можно увидеть Обличье? — неожиданно спросил у неё.

Она остановилась с ящиком в руках. Отец обернулся от окна:

— Сеня, зачем тебе сейчас на верфь?

— Хочу понять, что произошло. Внутрь не полезу.

Все посмотрели на доктора. Он задумался, потом неохотно кивнул:

— В кресле, с сопровождающим. На полчаса. Как только устанете — домой.

— Я за ним присмотрю, — сказала Варвара.

Мать тоже собралась идти, но отец положил руку ей на плечо.

— Лена, мы скоро вернёмся. Ты хоть поешь спокойно.

Она хотела возразить, однако взглянула на меня и передумала. Только попросила взять плед: у воды дуло.

* * *

На верфь мы отправились в открытой машине с высокой подножкой. Отец устроился рядом со мной, Варвара села впереди, возле водителя. Сзади ремнями закрепили складное кресло. Под полом негромко гудел электромотор. Перед крутым поворотом водитель потянул тормозной рычаг; я придерживался за борт и смотрел на улицу.

Вокруг несколько странная для меня смесь девятнадцатого и двадцатого века Земли. Мы едем на электромобиле, а за бортом рабочие в подобии картузов несут длинные свёртки. Вот мальчишка катит обруч мимо бочек, а двое мужчин спорят над расколотым ящиком у рыбного склада. Заметив отца, сняли головные уборы, но спорить не перестали.

За эти дни бухта успокоилась. Последствия атаки почти ликвидированы, у причалов покачивались лодки. Только в проломе волнолома ещё работал плавучий кран, опуская в воду новые каменные блоки.

На воротах верфи висела медная пластина. Надпись «Щитовой Дом Вельских» обрамляла знак: три вытянутых зубца над волной. Хотел уточнить, что значит «щитовой», но мы уже въехали под арку, и я увидел Обличье.

Он стоял на подпорках посреди крытого дока. Тяжёлый человекоподобный корпус, широкая уцелевшая ступня, руки почти до колен; голова едва не касалась балки под крышей. На левом плече сохранился такой же знак, как на воротах, только один из зубцов скрывался под ремонтной накладкой. Правая нога заканчивалась ниже колена.

— «Бер», — сказал отец, заметив мой взгляд. — Так его зовут.

Вблизи совсем не походил на бронзовую статую, какой показался из ворот. Корпус был собран из разных материалов. По краям матовых пластин проступали слои, как у толстой раковины; из повреждённой ноги торчали влажные волокна, перехваченные металлическими кольцами. Под раскрытой грудной панелью темнело узкое ложе, откуда не так давно вытащили меня.

Вдоль стены гудели станки. У ближайшего токарного медленно вращался вал, и из-под резца сбегала тугая стружка. Над головами прошёл мостовой кран, перенося снятую броневую плиту. Рабочие отступили за жёлтую полосу на полу, пропуская груз над головами.

Я узнал обод возле подголовника и застёжки на стенках. Вспомнил воду у щеки, нестерпимую боль, крышку над самым лицом — и вдруг понял, что не могу сделать глубокий вдох.

— Подождём? — спросил отец, заметив моё состояние.

Он уже поставил у подножки складное кресло и собирался помочь мне пересесть. Кивнул, не разжимая пальцев на борту — просто не мог. Отец встал между мной и Обличьем. Некоторое время мы молчали; я смотрел на его куртку и считал вдохи, пока руки не перестали дрожать. Только тогда позволил помочь мне перебраться в кресло.

У дока нас встретил седой мастер с обгоревшей бровью.

— Фаддей Корн, — представила его Варвара. — Наш старший мастер.

— Я вас помню. Спасибо, что вытащили.

— На здоровье. Только с новыми поломками пока не приходите. Нам бы с этими разобраться. Особенно ногой.

Он присел перед креслом, поправил плед у моих ног и заглянул в лицо:

— Свои-то целы?

— Целы.

— Ну и ладно. А железную уже отливают.

Снова посмотрел на повреждённое Обличье. Теперь, когда дышать стало легче, хотелось подойти ближе, рассмотреть ложе и тот рычаг, который никак не поддавался. Но сначала следовало выяснить другое:

— Почему аварийный разрыв снаружи не сработал?

Корн перестал улыбаться. Поднял с верстака искорёженную тягу и показал расплющенный конец:

— Вот почему. После удара в борт сошлись рёбра жесткости корпуса, зажали привод. Запасной трос шёл выше, но и его повредило.

Взял тягу в руки. На свежем изломе блестел металл:

— Внутреннюю скобу тоже заклинило.

— Видел. Крепление переделаем, а запасной трос пустим по другому борту. Варвара уже чертит.

Та, словно в подтверждение, указала на лист, прижатый к верстаку грузами. Различил контуры корпуса, две отдельные линии и множество пометок. В общих чертах замысел был понятен, но проверить расчёты или хотя бы прочесть обозначения я бы не сумел.

Корн забрал тягу и положил её рядом с чертежом. Помедлил, потом всё-таки спросил:

— Что случилось на волноломе?

Мастер посмотрел на отца. Тот кивнул:

— Рыбу прижало к берегу, — начал Корн. — За косяком подошла тварь, порвала внешнее заграждение. На ремонтной площадке ещё люди оставались. Ты закрыл проход, пока их буксир уводил.

— Всех увели?

— С площадки всех. На заграждении двоих потеряли.

Он отвернулся к верстаку и принялся складывать инструмент. Я смотрел на открытую грудь «Бера», стараясь представить, что видел из ложа Арсений. Как к берегу шла громадная сине-серая спина, как за ней поднималась вода. Чтобы буксир успел отойти, кому-то нужно было остаться у прохода.

Всё это сделал Арсений. Мне оставалось только слушать рассказы о нём. «Я» в его теле очнулся уже потом, когда проход был свободен, а меня пришлось спасать.

— Можно ближе к ложу? — попросил я.

Варвара подвезла кресло к опоре. Запрокинул голову, рассматривая открытый люк. От ложа расходились плоские жгуты; за спинкой они сходились в коробе, прикрытом мокрой тканью. Рабочий в длинном фартуке осторожно перебирал светлые нити, раскладывая их по лоткам.

— Это управление?

— Здесь сопряжение. Силовые жгуты идут ниже.

— А двигатель где?

Варвара оглянулась на отца, тот развёл руками — мол, я многое не помню, и потом показала на дверь в дальней стене.

— Ядро сняли. Сейчас его выдерживают отдельно.

Через круглое окно в двери была видна большая ёмкость, оплетённая трубками. Под мутной жидкостью темнела красновато-серая масса. Когда подошедший рабочий приоткрыл дверь, в док потянуло влажным теплом. Мне показалось, что по поверхности ядра прошла медленная складка.

— Оно живое?

— Живое. Поэтому нам туда нельзя: мастера поддерживают нужную среду.

— Вы его вырастили?

— Добыли. Давно, ещё до нас с тобой. Корпус «Бера» с тех пор не раз меняли.

Я снова посмотрел на трубки, уходившие в стену. Что именно здесь заменяло двигатель и за счёт чего двигалась такая махина, пока не понимал. Спрашивать обо всём сразу было бесполезно: каждое объяснение требовало ещё нескольких. Для начала хотя бы научиться различать детали.

В соседнем пролёте стояло второе Обличье. На площадку у его груди поднялась Александра. Волосы она убрала под плотный подшлемник, поверх рубашки надела куртку с широкими полосами вдоль спины. Пожилой инструктор остановил её у ограждения, проверил застёжку на вороте и взял за запястье, осматривая манжету.

— Что она делает? — спросил у окружающих.

— Готовится к сопряжению, — ответил отец. — Сегодня занимается на стенде.

— Саша — пилот? — изумился — удивился я.

— Учится. Ты с ней ещё сам занимался.

Тут я вспомнил красные полосы у неё на запястьях. В комнате они показались мне следами от слишком тугой одежды; теперь видел, как инструктор подтягивает широкие манжеты и проверяет, плотно ли они прилегают к рукам.

— Сколько ей лет? — даже такому вопросу отец уже не удивился.

— Восемнадцать.

За спиной гудели станки; у опоры «Бера» стучали молотки. Рядом кто-то уронил ключ, Корн велел поднять и не швырять инструмент. Никто, кроме меня, не видел ничего необычного в том, что девушка сейчас полезет внутрь огромного робота.

— Она будет выходить вместо меня? — спросил у отца.

Тот ответил не сразу:

— До боевого допуска ещё далеко. Пока она проходит обычную подготовку.

— А потом?

— Потом придётся.

Взглянул на его пустой рукав. Отец заметил и опустил глаза:

— Я тоже хотел бы, чтобы она выбрала что-нибудь другое, Сеня.

— А меня спросить не хотите? — внезапно донеслось сверху.

Александра перегнулась вниз через ограждение:

— Я сама хочу быть пилотом! Для этого и учусь.

— Сначала закончи курс, — сказал отец.

— Закончу. Только не надо обсуждать меня так, будто я не слышу…

Она перевела взгляд на меня:

— Я знаю, что случается с пилотами. Видела тебя на носилках.

Мне нечего было ответить. Александра ещё мгновение смотрела вниз, потом повернулась к инструктору. Тот дождался, пока она успокоится, и попросил заново проверить застёжки. На этот раз она не отвлекалась.

Я следил за её руками. До сих пор мне удавалось хотя бы иногда забывать об ужасе, пережитом в затопленном ложе: вокруг было слишком много нового. Но теперь Саша собиралась сесть в такое же ложе, затянуть ремни и закрыть крышку над лицом. Сегодня — для тренировки. Что будет потом, отец уже сказал.

Знал Сашу всего несколько дней. Помнил другой мир, другую семью, другую жизнь, где её не было. А теперь боялся за неё так, будто она всегда была моей сестрой.

Если я больше не смогу сесть в Обличье, моё место придётся занять ей.

Моей младшей сестрёнке…

Глава 2. Короткий контур

— Варвара, почему пилот обязательно должен сидеть внутри?

Она повернулась ко мне:

—Контур должен быть коротким. Иначе начинается рассогласование.

—А вынести ложе наружу пробовали?

—Пробовали. И жилы тянули, и через Поле передавали. Пока Обличье стоит, ещё получается. Начнёшь двигаться — задержка растёт. Обличье уже наступило на камень, а ты этого ещё не почувствовал. Ты продолжаешь шаг, переносишь вес — и падаешь.

—Ощущения приходят с опозданием?

—Да. Но это только часть беды. Есть помехи, срывы рисунка Отзвука. Иногда два ощущения накладываются друг на друга, и пилот вообще перестаёт понимать, где его тело. После таких опытов некоторые неделями встать не могли.

Я посмотрел на собственные ноги, укрытые пледом:

—Вы пробовали только полное сопряжение?

—А как иначе удерживать равновесие? — недоумённо спросила Варвара. — Пилоту в Обличье мало сказать: «Иди вперёд». Под ногами камни, подвижное дно, вода. Нужно чувствовать опору, вовремя переносить вес. Всё это делает сам пилот.

—Понятно.

Само затруднение понимал. На Земле мне доводилось управлять машинами, которые часть таких задач решали без меня: задавал направление, а за отдельными движениями следила автоматика. Но я работал с готовыми комплексами — не проектировал их приводы и не писал программы управления, а здесь пока даже не умел отличать управляющий жгут от силового. Знакомая задача ещё не означала, что я знаю, как её решить местными средствами.

Наверху Александра опустилась в ложе. Инструктор подал ей ремень, дождался щелчка пряжки и проверил натяжение. Заметил, как тесно у неё над плечами и сколько креплений придётся освободить, прежде чем она сможет выбраться.

—Записи тех опытов сохранились? — спросил я.

—Часть есть у меня. Зачем тебе? — было заметно, что «выкать» она не привыкла, даже княжичу.

—Хочу разобраться, на чём вы остановились. И что уже пробовали менять.

Варвара некоторое время смотрела на меня, потом наклонилась и подобрала край пледа: он сполз почти до колеса.

—Приходи, когда врач разрешит. Только сначала придётся вспомнить устройство контуров. Читать схемы умеешь?

Посмотрел на чертёж у неё на верстаке:

—Теперь, похоже, нет.

—Тогда с этого и начнём.

Александра помахала нам из ложа, поднял руку в ответ. Рабочий опустил перед ней броневую крышку, закрыл прижимы; над плечом Обличья загорелся жёлтый огонь.

В наружном переговорнике раздался голос сестры. Слов за стуком молотков я не разобрал, но услышал её смех. Потом повернулась стальная голова.

Инструктор спустился с площадки и отошёл к пульту за ограждением. Рабочий выкатил из-под Обличья ступени, смотал их страховочную цепь. Только теперь разглядел, что «Сайна» стоит внутри длинной рамы: по обеим сторонам тянулись рельсы, а сверху свисали широкие стропы. Под ногами лежали стальные плиты с жёлтыми отметками.

—Проверка опоры, — сказал инструктор в трубку.

Над ограждением хрипнул переговорник:

—Обе стопы. Правая плотнее, — сказала Саша. Голос стал ровным, сосредоточенным.

Обличье чуть присело. В коленях раздвинулись защитные пластины; под ними натянулись тёмные жгуты. Затем корпус поднялся, и с его спины отошла пара толстых упоров. Александра «держала» сама. Верхние стропы провисали, не принимая веса.

Отец положил ладонь на спинку моего кресла:

—Здесь её удержат, если ошибётся.

Кивнул, хотя смотрел совсем не на стропы. Крышка ложа была видна между двумя рёбрами нагрудной брони. За ней лежала сестра; чтобы выбраться, ей сначала требовалось остановить эту махину, разорвать сопряжение, дождаться помощи.

—До первой отметки. Без поворота, — скомандовал инструктор.

Обличье перенесло вес на правую ногу. Левая стопа оторвалась от плиты, прошла вперёд и опустилась с глухим стуком. Вода в жестяной кружке на верстаке дрогнула. Следующий шаг получился тише.

—Она сейчас думает, какой сустав согнуть? — спросил я.

—Ты думаешь об этом, когда ходишь? — уточнила Варвара.

—Обычно нет.

—Вот и она. Учит тело двигаться, пока оно не начинает слушаться без отдельных команд.

Девушка стояла сбоку от меня, положив ладонь на верстак. При каждом шаге под её пальцами мелко подпрыгивал лежавший на краю карандаш.

Обличье остановилась, расставив ноги по двум жёлтым полосам. Инструктор что-то сказал в трубку. Железяка наклонилась, подняла с низкой тумбы металлическую болванку за поперечную рукоять и выпрямилось. Болванка казалась небольшой только рядом с ним: под тумбой прогнулись деревянные подкладки, а теперь, освободившись от веса, одна со щелчком распрямилась.

—И груз она чувствует?

—Да. И то, как он тянет руку. Дальше посмотри на поясницу.

Я следил за узкой щелью между броневыми поясами. Когда Саша отвела груз от груди, просветс одной стороны расширился. Корпус слегка отклонился назад.

—Сама поправилась, — сказала Варвара. — Иначе потянуло бы вперёд.

—А если груз за что-нибудь зацепится?

—Почувствует сопротивление. Дальше уже ей решать, отпустить или тянуть. Поэтому на первых занятиях всё делают медленно.

Инструктор велел поставить болванку на соседнюю тумбу. Поворот, перестановка правой ноги. Край плиты под ней ушёл вниз — я вцепился в подлокотники.

Обличье качнулось. Левая рука отодвинулась в сторону, колени согнулись чуть глубже, но груз остался на прежней высоте. Через мгновение болванка легла на тумбу. Никакого удара не последовало.

—Хорошо. Правую освободить, вернуться на ровную.

—Плиту не закрепили? — спросил я.

Варвара указала на её торец. Под ним виднелась поперечная ось.

—Она качается. Для этого и поставлена.

—Саша знала?

—Знала, куда наступает. Но точный наклон всё равно приходится ловить.

Посмотрел наверх. Стропы по-прежнему висели свободно:

—То есть её удержало не крепление?

—Она сама удержалась. Почувствовала, что наружный край стопы теряет опору, подалась в другую сторону. Коленом выбрала наклон, рукой уравновесила груз. Ты увидел только качок.

Действительно увидел только его. И за то время, пока пытался сообразить, падает «робот» или нет, Саша уже закончила движение.

—Чуть торопится с корпусом, — заметил отец.

Инструктор почти сразу повторил это в трубку. Отец не улыбнулся; следил, как Обличье возвращается между упорами.

Мне вспомнились слова Варвары о пилоте, который ещё не почувствовал камня под ногой. Теперь за ними было конкретное движение. Запоздай Саша с поправкой — и болванка потянула бы корпус дальше. Следующее усилие понадобилось бы уже другое. А до человека только дошло бы, что начала уходить стопа.

Теперь я, кажется, понял, для чего пилоту Обличья проходить достаточно долгую тренировку — «робот», если выражаться земным термином, отвечал на «желание» пилота с задержкой, и к этому надо приноровиться.

Причём, как я думаю, у разных Обличий и реакция разнится — просто так не пересядешь, потребуется время на привыкание.

Когда упоры сомкнулись за спиной боевой махины, наконец отпустил подлокотники. Под пледом заболели колени: всё это время держал ноги напряжёнными.

Крышку ложа подняли не сразу. Инструктор ждал у пульта, пока Варвара не кивнула на погасший огонь. Потом вернули ступени, и он поднялся к Саше. Крышка открылась — она села, потёрла щёку ребром ладони.

—Видел? — спросила она, когда спустилась к нам.

—Видел.

—И как?

Мне хотелось сказать, что достаточно было бы и одного шага. Но она ждала ответа о своей работе:

—Я бы на той плите уже лежал.

Саша усмехнулась, потом посмотрела внимательнее:

—Ты раньше ещё и ругал меня, если я руку поздно выносила.

Ничего не вспомнилось. Она отвела глаза, стянула подшлемник и провела пальцами по примятым волосам. На лбу осталась широкая красная полоса.

—Ну, потом снова научишься замечать.

Отец тронул Варвару за локоть и показал на меня. Она наклонилась, заглянула в лицо:

—На сегодня всё. Мы и так пробыли здесь почти полчаса.

Возражать сил уже не было. Пока кресло разворачивали, успел попросить девушку-инженера:

—Найди те отчёты. Я приду.

—Сначала отдохни.

Саша пошла рядом, придерживая рукой спинку кресла с другой стороны. Я слышал, как она вполголоса спорит с отцом о последнем повороте, и только у ворот перестал опасаться, что пол под нами снова качнётся.

* * *

Через два дня добрался до третьей мастерской своими ногами.

До ворот меня довёз тот же открытый экипаж. Дальше настоял на том, что пройдусь, и теперь останавливался возле каждого удобного ограждения. После второй такой остановки водитель предложил подать кресло. Пришлось объяснять, что до двери осталось немного. Он проследил, как я вошёл внутрь, и лишь тогда вернулся к машине.

Доктор разрешил короткие прогулки и работу за столом. Когда спросил про мастерскую, он велел отдыхать до того, как начнут дрожать руки. Про сопряжение даже разговаривать не стал, что понятно.

Варвара освободила мне место у окна. На столе лежали две папки и тонкая тетрадь с потрёпанной обложкой.

—Сначала сядь. Потом расскажешь, как прекрасно себя чувствуешь.

Усмехнулся и сел. Отпираться было бессмысленно: после дороги в боку кололо.

Мастерская занимала узкий пролёт за доком. Между чертёжными столами оставили проход для тележки; вдоль стены стояли низкие шкафы с выдвижными лотками. На ближайшем столе под стеклянным колпаком лежала связка светлых волокон. Тонкие трубки уходили от колпака к небольшому насосу. Дальше, за сетчатым ограждением, виднелись поворотные рычаги с делениями, электрические приборы и разобранный сустав величиной с мою голову.

На стене висел чертёж груди «Бера». Новая линия аварийного троса обходила ложе с другого бока. Возле неё Варвара оставила несколько пометок красным карандашом.

—Переделываешь разрыв? — просто спросил у неё. Если раньше княжич общался с ней по другому — это проблемы прежнего хозяина тела.

—Уточняю крепления. Корн нашёл ещё одно место, где тягу может зажать.

Она подложила под мой локоть чистый лист.

—Это для записей. На отчётах не рисовать.

В первой папке были подшиты копии схем. Между ними попадались листы с длинными колонками чисел; некоторые строки перечеркнули от руки. Нашёл силуэт Обличья, рядом — ложе, отнесённое далеко за край корпуса. Их соединяло несколько линий.

—Здесь питание?

—Здесь возврат ощущений.

—А двойная линия?

—Граница оплётки. Она ничего не передаёт.

Перевёл взгляд на схему прибора в углу листа:

—Тогда это размыкатель?

—Место измерения.

Варвара помолчала и открыла тонкую тетрадь:

—Начнём отсюда.

На первой странице были нарисованы те же значки, по одному в каждой строке. Под ними шли названия и короткие пояснения. Кое-где карандашом приписали номера других страниц.

—Учебная?

—Моя. С первых лет. Только смотри подписи на полях: часть обозначений с тех пор поменяли.

Она вернулась к своему столу. Я придвинул тетрадь и начал искать нужные знаки. Слова читал без труда, но от этого становилось только досаднее. Название детали понимал, а узнать её на рисунке не мог. Приходилось водить пальцем от образца к схеме, словно школьнику.

Примерно через четверть часа Варвара подошла, села напротив и помогла мне разобрать первый опыт.

В нём ложе вынесли в соседнее помещение. С Обличьем его соединял пучок жил, уложенный в защищённый короб. Железяку держали на опорах; сначала двигали только кистью. На полях отмечали, что пилот различал прикосновение к пальцам и сумел сжать деревянный брусок, не сломав его.

—Значит, на месте получилось.

—Для такой задачи — да.

—Почему не продолжили с тем же коробом?

—Продолжили. Следующий лист.

Там повторялся силуэт, но под ногами уже нарисовали дорожку. До красного креста, поставленного возле третьего шага, Обличье должно было пройти совсем немного.

С первого раза удалось понять только, что оно упало на страховочную раму.

—Объясни вот это. Он правит наклон, а его снова бросает в ту же сторону?

Варвара разложила поперёк стола бумажную ленту. По ней шли несколько неровных линий. Она прикрыла лишние чистым листом и оставила две.

—Здесь команда. Здесь ответ. Видишь расстояние между ними?

—Вижу. А сколько это по времени?

—Пока не считай. Вот целый шаг, от этой черты до следующей. Теперь сравни.

Она провела указательным пальцем вдоль ленты. При неподвижности линии расходились мало; после начала ходьбы промежуток стал заметнее.

—Стопа встала на край подкладки, корпус повело. Он дал поправку и ещё не почувствовал её. Решил, что мало, добавил. Первая уже выполнялась, потом пришла вторая. Сустав ушёл дальше, чем требовалось.

—И он начал возвращать его обратно.

Варвара подвинула ленту. Дальше линии пересекались, уходили одна за другую; в конце одна обрывалась.

—Снова по старому ощущению, — сказал я.

—Да. К последнему движению он уже не понимал, в какую сторону его наклоняет.

Под описанием стояла короткая медицинская запись. Переломов не было. Самостоятельно сесть пилот смог только на четвёртые сутки.

Я провёл пальцем по краю бумаги, не касаясь строки:

—Его ведь внутри не было?

—Не было, — подтвердила Варвара. — Ложе даже не сдвинулось.

Отодвинул лист от себя. Вынести человека из корпуса оказалось недостаточно. Связь всё равно позволяла ответной реакции покалечить его.

—А если двигаться медленнее?

—Пробовали. И чувствительность уменьшали, чтобы он не давал лишних поправок. Посмотри дальше.

В конце папки лежала целая таблица вариантов. С одними настройками Обличье увереннее двигало руками, но пилот плохо чувствовал, насколько крепко держит предмет. С другими лучше различал опору, зато после каждого шага приходилось ждать, пока ощущения перестанут двоиться. Напротив нескольких строк стояло: «Дальнейшая проверка прекращена».

—А это что за вставка? — указал на густо заштрихованный прямоугольник.

—Отсекали слабые колебания. Хотели убрать помехи.

—Помогло?

—На столе. На дорожке пилот перестал чувствовать начало скольжения. Получал уже сильный сигнал, когда стопа съезжала с опоры.

Над таблицей чернилами дописали фамилии тех, кто проверял расчёты. Их было больше, чем я ожидал. Кто-то тратил на это месяцы, переносил пороги, менял жгуты, снова укладывал человека в ложе. Здесь пока мог предложить лишь то, что у них давно стояло в перечне неудач.

Во второй папке проводов между ложем и роботом не было. Два разнесённых прибора связывала пунктирная дуга.

—Через Поле, — сказала Варвара, заметив, куда я смотрю. — Кабель не мешает движению. Зато добавляются свои неприятности…

Она нашла нужный отчёт. Пилот успешно согнул руку неподвижного Обличья. Когда начали одновременно поворачивать корпус, рисунок ответа распался. По записи испытуемого, он продолжал чувствовать ладонь возле груди, хотя Обличье уже выпрямило руку. Попытка опустить её закончилась срывом сопряжения.

—Здесь тоже задержка?

—Одной задержкой это не объяснили. Видишь, ответ начал искажаться ещё до рывка? Разбирались, на каком участке портится рисунок. Надёжного сопряжения так и не получили.

—Эти опыты делали у вас?

—Нет. Нам присылали копии. Искали способ безопаснее испытывать новые корпуса.

Варвара вернулась к чертежу. Я ещё некоторое время перекладывал бумаги, выписывал непонятные слова. Карандаш натёр средний палец; пришлось отложить его и размять кисть.

Пока отдыхал, сравнил первые листы обеих папок. Жилы в коробе и пунктирная дуга соединяли одни и те же части. В каждом случае человек должен был чувствовать всё Обличье, а то — слушаться его так же, как при коротком сопряжении.

—А что именно должно было остаться прежним? — спросил я.

Варвара подняла голову.

—В каком смысле?

—При удачном опыте. Человек лежит в другой комнате, но ходит, поднимает, чувствует так же, как раньше?

—Желательно. Иначе зачем всё это?

Хотел ответить: чтобы не погибнуть вместе с боевой машиной. Но перед глазами всё ещё стояла запись о человеке, который четыре дня не мог сесть в неподвижном ложе.

—Пока не знаю, — ответил ей.

Варвара придвинула мой лист, посмотрела на две перерисованные схемы. Потом перевела взгляд на тетрадь обозначений, раскрытую у меня под локтем.

—Ты странно спрашиваешь.

Я напрягся:

—Что именно?

—Путаешь самые простые вещи, а потом спрашиваешь, зачем мы вообще всё так устроили?

Мне захотелось прикрыться памятью, как уже случалось дома. Но она не требовала объяснить, что произошло с Арсением? Ждала ответа на вопрос о работе.

—Если не понимаю деталь, пытаюсь понять, для чего она нужна, — произнёс в ответ.

Варвара некоторое время молчала, затем пододвинула мне тетрадь:

—Тогда выписывай вопросы отдельно. Разберём, когда закончу с креплениями.

* * *

К полудню в мастерской стало душно. Варвара приоткрыла дверь в док, впуская прохладный воздух, и унесла чертёж Корну. Мне велела посидеть без бумаг.

С места у окна была видна часть соседнего пролёта. Там переносили снятую броневую плиту. Она висела почти вертикально, слегка покачиваясь на двух стропах. Рабочий внизу придерживал её длинной оттяжкой; за жёлтой полосой ждали люди с деревянными клиньями.

Тележка крана шла вдоль балки с ровным гудением. Возле стены звук изменился, и она замедлилась. Ещё немного проползла и остановилась, не дойдя до тяжёлого упора. Но в кабине человек по-прежнему давил на рычаг.

Мне показалось, что он не успел убрать её. Затем крановщик спокойно отвёл рычаг в нейтральное положение и начал опускать груз.

Я подождал, пока плиту закрепят на подставке, и вышел в док. Варвара с Корном стояли у низкого верстака возле двери. Между ними лежал её чертёж.

—Уже отдохнул? — спросила она.

—Кран сам остановился у стены?

Корн оглянулся на балку:

—Должен был.

—Даже если человек держит ход? — продолжил я.

—Для того и сделан ограничитель.

Он показал на выступ сбоку от рельса. Разглядеть устройство снизу было трудно: я видел только металлический скос и ролик под ним.

—Тележка подходит, ролик нажимает выключатель. Сначала снимается быстрый ход, дальше — весь. Упор уже на крайний случай.

Посмотрел на кабину. Крановщик ждал, пока освободят стропы.

—Он без Отзвука?

Корн повернулся ко мне:

—Там обычные контакты, княжич. Для чего Отзвук?

—Хочу понять, насколько он здесь нужен.

Мастер задумчиво потёр подбородок, потом достал с полки коробку без крышки. Поставил передо мной так, чтобы был виден рычажок с потёртым роликом. От коробки свисал короткий обрезанный провод.

—Такой же, с подъёмника. Меняем: пружина ослабла. Нажми.

Надавил на ролик, внутри щёлкнуло; две медные пластины разошлись. Когда отпустил, рычажок вяло вернулся назад.

—Пока этот не проверят, обратно не поставят, — сказал Корн. — Должен возвращаться сразу.

Я попробовал ещё раз. Действительно, ничего необычного. Устройство разрывало электрическую цепь, когда на рычаг давили. Для этого не требовалось никого укладывать в ложе.

—А груз держит тоже сам?

—Тормоз держит. Пропадёт ток — зажмётся. Иначе при каждой беде на станции собирали бы людей вместе с грузом.

Варвара убрала чертёж подальше от коробки, но уходить не стала.

—А усилие ограничить можно? — спросил я. — Если привод продолжает тянуть, а дальше уже нельзя?

—Можно. Смотря какой привод. На малой лебёдке муфта проскользнёт. На другом механизме ток не пойдёт. Что вы собрались тянуть?

—Пока ничего. А если, допустим, перекосится подъёмная площадка?

—Её остановит. Такие у нас возле складов. Чтобы не выдернуло из направляющих.

Он говорил без оживления: перечислял обычные свойства знакомых вещей. Мне же хотелось расспросить о каждой. Верфь уже умела оставлять технике право прервать команду человека, удержать вес, не дать механизму дойти до поломки. Всё это работало рядом с Обличьями, в которых за каждое изменение опоры отвечал пилот.

—А сохранить заданный угол? — новый вопрос от меня.

Корн положил ладонь на коробку, мешая мне нажать на ролик в третий раз:

—Удержать — можно. Подправлять, если нагрузка меняется, — зависит от того, насколько точно надо. Вы бы сказали задачу целиком.

Перевёл взгляд на раскрытую грудь «Бера». Возле ложа на узкой площадке работали двое; один подавал второму новый кронштейн. Ниже темнел срез поломанной ноги.

Ещё утром, разглядывая отчёты, я пытался понять, можно ли ускорить передачу ощущений. Сейчас на столе лежало устройство, которому не требовалось дожидаться человека. Оно сразу останавливало ход.

—Мне нужна нога, — сказал я.

Корн взглянул на мои колени:

—Вроде обе свои работают.

—Модель ноги Обличья. Чтобы она сама поправляла положение. Хотя бы чуть-чуть.

Варвара медленно положила чертёж обратно:

—Пойдём за стол, — сказала она. — Только сначала объясни, что ты называешь «сама».

Корн взял коробку, и мы вернулись в мастерскую. Пока он освобождал край стола, я успел сесть. Стоять оказалось тяжелее, чем думать: под коленями уже тянуло.

Перевернул лист со своими выписками и нарисовал две фигуры: слева — человека, справа — Обличье. Соединил фигуры двумя линиями и начал объяснять:

—Человек шевельнул ногой. Команда пошла сюда. Стопа встала — сигнал о положении пошёл обратно. Человек поправил — снова сюда.

—Мы только что это разобрали, — ответила девушка.

—Да. Теперь попробуем убрать отсюда мелкие поправки, — провёл короткую дугу возле нарисованного колена. — Стопа наклонилась. Механизм сразу подправил ногу, не дожидаясь человека.

—Как на кране?

—Примерно.

—Кран остановился возле известного места. Оно всегда одно. Стопа может попасть на камень, в яму, в воду. В какую сторону ей править?

—В ту, которая возвращает опору.

—Откуда она узнает эту сторону?

Помолчал:

—Вот этого пока не знаю.

Корн поставил принесённую коробку рядом с листом. В мастерской было слышно, как щёлкает насос за окном.

—Тогда у тебя пока только задумка, — сказала Варвара. — А я спрашиваю про устройство.

—До устройства ещё далеко. Я пытаюсь понять, какое нам вообще нужно? В старых опытах человек всё время должен был чувствовать себя внутри Обличья. А если ему достаточно видеть, куда оно идёт, и задавать направление?

—Идти будет кто?

—Оно само. За счёт таких вот коротких действий.

Я показал на коробку:

—Здесь заранее предусмотрено, что делать возле края. На подъёмнике — что делать при перекосе. Я говорю о похожей реакции на потерю опоры. Человек выбирает, куда идти. Обличье само выполняет шаг.

—Сам шаг мне объясни, — потребовала Варвара.

—Удержать корпус. Поднять ногу, не уронив вес на эту сторону. Поставить её, проверить, что есть опора. Тогда переносить вес.

—А если опора проседает?

—Значит, поправлять положение до того, как человек заметит.

Варвара откинулась на спинку стула:

—Ты сейчас описал то, ради чего пилота несколько лет учат сопряжению.

Я вспомнил, как Саша повела рукой, не уронив болванки. На бумаге её движение свелось к нескольким словам. Но за этими словами требовалось построить то, что она делала почти без усилий.

—Весь её навык мы сразу не повторим, — произнёс я. — Начать можно с одного движения.

Корн придержал угол листа:

—Нога со стопой связана. Но и с корпусом тоже. Если колено начнёт исправлять своё, а поясница своё, пополам разложится.

—Значит, их нельзя заставлять работать отдельно. Нужно, чтобы поправки не мешали друг другу.

—Это уже больше одного движения, — заметил он.

Кивнул — мастер был прав. Несколько предохранителей, собранных вместе, ещё не умели держать равновесие:

—Тогда пока без поясницы. И без ходьбы.

Варвара наклонилась над рисунком:

—Подожди. Допустим, только этот сустав. Чем он определит свой угол? Чем почувствует землю? Как отличит плотную опору от той, которая сейчас провалится?

Я раскрыл ладонь над листом:

—Не знаю. Я ещё на схеме не всё различаю.

—Показания с опоры мы снять можем. Снять — это одна задача. А превратить их в команду, которую примет силовой контур — другая. Поставить между ними выключатель не получится.

—Поэтому и спрашиваю тебя, — ответил местному инженеру.

Она подняла глаза. Я продолжил, пока она не решила, что просто переложил на неё всё неудобное:

—Мне понятно, что должно происходить. Как собрать это — нет. Но если механизм сможет хоть немного удерживать себя, человеку не придётся получать каждое ощущение и возвращать каждую поправку. Через связь будет проходить меньше информации.

Варвара провела пальцем по длинной линии от Обличья к человеку:

—Задержка никуда не денется.

—Не денется. Но за это время машина хотя бы не начнёт падать. И человеку не нужно будет править колено по тому, что случилось на шаг раньше.

—Если удержится, — сказал Корн.

—Если удержится, — согласился с ним.

Варвара взяла карандаш и обвела короткую дугу:

—Обратную связь всё равно надо замкнуть быстро. Только ты хочешь замкнуть её здесь.

—Да. В самом суставе.

Она провела вторую дугу, затем остановилась:

—И обойтись без глубокого сопряжения на этом участке.

—Попробовать.

Я следил за карандашом. Впервые за день Варвара что-то дополнила на моём рисунке. Это ещё ничего не доказывало, но теперь она разбирала именно моё предложение.

—Есть возражение, — сказал Корн. — «Бер» нужен Дому. И те, кто его чинит, тоже. Разбирать ему вторую ногу я не дам.

—Не надо разбирать.

На свободном месте изобразил широкую подошву, над ней — один шарнир. Вместо корпуса нарисовал груз.

—Вот. Одна опора, сустав и нагрузка сверху. Ограничим наклон в одну сторону и обратно. Всё, что мешает, пока уберём.

Корн повернул лист:

—В одну плоскость, — уточнил он. — Чтобы набок не выворачивалось. И рама нужна. Не удержит — груз ляжет на неё, — дорисовал два упора, оставив между ними и грузом промежуток.

—Такой стенд сделать можно. Сколько выдержит сустав, сначала посчитаем. Ничего крупного со склада под это не обещаю, — затем выдал мастер.

—Крупного и не нужно.

—А что подаст команду на поправку, мы ещё не решили, — напомнила Варвара.

—Это и будем выяснять. Понемногу наклонять, менять нагрузку. Смотреть, что можно измерить и куда подать ответ. Без человека в ложе.

Она потянулась к тетради, раскрыла её на странице с поперечным разрезом опоры и положила передо мной.

—Вот это прочти. Завтра расскажешь, что понял. Потом пойдём смотреть узлы.

Я нагнулся к мелким подписям, но буквы поплыли. Пришлось откинуться на спинку стула и потереть глаза.

—Завтра, — повторила Варвара. — Сейчас домой.

Корн взял у неё чистый лист и перенёс на него мой последний рисунок. У мастера опора получилась шире, сустав — ниже. Возле привода он оставил пустое место.

Из дока донёсся удар, затем голос рабочего, просившего подать крепёж. Там всё ещё чинили «Бера». Новая установка существовала только на листе, и даже на этом листе самого нужного пока не было.

Положил рядом две схемы: ложе, соединённое с Обличьем, и короткую дугу возле шарнира. В первой за равновесие отвечал человек. Во второй нам ещё предстояло найти ему замену хотя бы на время одной поправки.

—До ходьбы с этим ещё далеко, — сказал Корн, откладывая карандаш.

—Для начала научим её не падать, — ответил ему.

Глава 3. Тревога над Мысовой

Ревун резко выдернул меня из сна.

Сел на кровати, откинул одеяло и потянулся за одеждой. В голове ещё стояла вчерашняя короткая дуга вокруг шарнира, но руки уже искали брюки. Разобраться, что случилось, можно было по дороге.

За окном занимался рассвет. На светлой полосе моря чернела мачта башни береговой обороны. Её огни мигнули, погасли и снова зажглись; почти сразу дал голос второй ревун, дальше к востоку.

По коридору кто-то громко протопал. В дверь постучали и открыли, не дожидаясь ответа:

— Княжич, вы проснулись? — молодая горничная осталась на пороге. Платье она явно застегнула наскоро: одна пуговица попала не в свою петлю, и ворот тянуло набок.

— Что произошло?

— Зурканы! — так местные называли всех монстров, что нападали на людей. — Нападение на рыбаков у деревни Мысовой. Княгиня велела вам оставаться в комнате.

— Где отец?

— Уже уехал.

«Мамин» указ решил проигнорировать. Встал, сунул ноги в ботинки и сделал несколько шагов — почти дошёл до двери. На повороте прострелило поясницу, правая нога подогнулась, и пришлось хвататься за косяк. Горничная вскрикнула и метнулась ко мне.

— Трость, — сказал ей, — у кровати.

Спешка не прибавила этому телу здоровья. Пока девушка несла трость, я стоял, прижавшись лбом к дереву, и ждал, когда отпустит.

В коридоре меня встретила «мама» — Елена Михайловна. Безукоризненно одетая, с убранными волосами, она держала под мышкой тонкую папку. Увидев, как я опираюсь на трость, остановилась:

— Арсений, останься в комнате.

— Хочу знать, что происходит?

Ревун снова набрал высоту. За дверью у лестницы кто-то говорил в телефонную трубку, повторяя одно и то же название: Мысовая, Мысовая. Словно от числа повторений зависело, как скоро там помогут.

— Где отец? — уточнил у матери.

— Выехал с боевым отрядом.

— Ясно, — сейчас от него требовалось командное слово. — А войска «пролива»? Их вызвали? — поинтересовался я.

— Донесение передали. Но первый рубеж здесь — мы.

Мать посмотрела на мои развязанные ботинки и позвала горничную. Я сел на скамью у стены: наклониться сейчас означало потерять ещё полминуты. Девушка быстро завязала шнурки.

— Я не собираюсь лезть в Обличье, просто хочу знать, что происходит? — снова повторил «просьбу».

Елена Михайловна чуть помолчала:

— Тогда со мной. В башне посидишь. И если станет плохо, скажешь сразу.

Кцентральной башне вела крытая галерея. Внизу, за стеклом, несколько электромобилей Дома выезжали из ворот; двое солдат грузили ящики в открытый кузов грузовой модификации машины. Мать шла медленнее, чем ей хотелось. Понимал это по нетерпеливому топтанию каблуков на одном месте и старался не заставлять её ждать.

Внезапно пришла мысль о подъёме на высокую башню: не зря ли я напросился? Точно не осилю своими ногами.

Оказалось, волновался напрасно — в башне был устроен лифт. «Допотопного» образца, как сказали бы на Земле, но вполне современного тут.

— Отражение нападения — обязанность нашего Дома? — задал маме осторожный вопрос, надеясь, что и это она спишет на последствия «травмы».

— Земля Внешнего Зуба дана нам по хартии, — сказала она, когда мы вошли в лифт. — Вместе со сбором податей и правом держать собственные вооружённые силы. За это мы обороняем остров с куском пролива и выводим воинов при нападении.

Я уже знал, что здесь титул обязывает к службе, как это изначально было и на Земле, это позже «знатные» оставили себе привилегии, сбросив обязанности.

До этого утра связывал прежде всего с «Бером», погибшим братом и Сашиными тренировками. Теперь по обе стороны лифтовой решётки уходили вниз окна, а за ними лежали дома, за которые отвечали Вельские. И получается, я в том числе?! Так сказать, по праву рождения. Или обязанности фамилии…

Лифт замедлился, двери разошлись. В открывшейся взору комнате говорили сразу несколько человек:

— …нижнюю улицу закрыть. По верхней дороге, повторяю, по верхней!

Здесь было светло от больших окон, расположенных вкруговую. Под ними стояли оптические приборы наблюдения на увесистых поворотных стойках. У дальней стены работали два… радиста? Посередине, на большом столе, лежала карта под стеклом. Помощник дежурного передвигал по ней флажки, обозначающие врагов и наши войска.

— Ваша светлость, княжич, — дежурный, как главный здесь, поприветствовал нас. — Князь с боевым отрядом на полпути к Мысовой. Лазарет замка подтвердил готовность к приёму раненых.

— Что с Мысовой?

— Убежища готовы закрыться. Но люди ещё на берегу и в море.

Княгиня положила папку на край стола. Мне пододвинули высокий стул к свободной подзорной трубе, и на этот раз сел без спора.

С башни берег был полностью виден. Впереди море; слева, к западу, теснились портовые крыши Упорного — так назывался город вокруг замка, столица нашего Дома.

Довольно крупная деревня Мысовая лежала правее, за низким каменным гребнем. Ряды домов спускались к пристаням, рыбная ловля — основное занятие жителей данной деревни. За домами шла верхняя дорога, а перед ними тянулась узкая полоса берега с вытянутым белым сараем у восточного края. Дальше начиналось мелководье, перечёркнутое тёмными рифами.

На каменном гребне между нами и посёлком солдаты готовили орудия к бою — надо понимать, там находилась артиллерийская батарея, прикрывающая столицу с этого направления, а заодно и деревню в непосредственной близости от себя.

На рыбацкие лодки в море у Мысовой двигалось тёмное пятно.

Я подался к окуляру, навёл резкость. Пятно стало десятками тел. Они шли низко над водой. Несколько раз вся масса разом повернула, и по ней пробежал бледный блеск.

— Иглоспин облачный, — сказал наблюдатель у соседней подзорной трубы. — Основная группа входит в бухту. Отдельные уже над лодками.

— Когда их заметили? — спросила княгиня.

Он на секунду отвёл лицо от резинового наглазника:

— Внешний пост дал рваную отметку. Стая держалась у воды, забивала приёмник Поля. Визуально подтвердили уже на подходе, сразу объявили тревогу.

Связист оторвался от трубки:

— Штаб Четвёртого Пролива принял донесение. Копия Вересовым ушла.

По громкоговорителю прошёл треск, затем я узнал голос отца:

— Башня, отмечайте всё, что идёт восточнее рифа. Если стая разделится, немедленно в штаб пролива. Батарея, работать по внешней группе.

Дежурный повторил приказ. На карте возле Мысовой появился красный флажок.

— А Вересовы что делают? — я снова задал вопрос, «забытый» из-за травмы.

— Их Великий Дом держит весь Четвёртый пролив, — пояснила мать. — Если стая пойдёт к соседям или нам потребуется помощь, сведут силы Щитовых Домов и вышлют подмогу из своих Обличий и флота.

На широкой карте за красными линиями нашего сектора лежали другие берега. Я перевёл взгляд дальше, к линии с обозначением короны.

— А эта линия?

—Общий сбор. Если прорыв захватит несколько проливов, Корона объединит командование. Сейчас это местная тревога.

Больше она объяснять не стала. Местная тревога возле Мысовой перевернула ещё одну лодку. До берега оставалось совсем немного.

Потянул рукоять трубы, потерял цель, поймал её снова и заставил себя не дёргать стойку. Возле борта лодки держались две головы. Одна ушла под воду и показалась ближе к корме. Человек пытался толкать перед собой второго.

На гребне выстрелила пушка. Вспышку я увидел раньше, чем услышал удар. Снаряд разорвался перед стаей, слишком далеко. Следующий выстрел дал разрыв выше. Иглоспины разошлись двумя струями, обогнули место и снова сбились над водой.

Орудия начали часто стрелять, но промежутки получались неровными.

«Заградительный огонь» — подумалось мне. — «И автоматических пушек тут, похоже, ещё не изобрели».

Вот разрыв снаряда пришёлся почти в середину стаи. Случайно?

Вокруг Иглоспинов воздух выгнулся, будто над горячим металлом. Контур крыла ближайшего на мгновение раздвоился, а затем он закружил вниз. Ещё возле нескольких тел прошли короткие светлые вспышки. Я ожидал, что твари посыплются в воду, но один летун резко набрал высоту, а два других скользнули под дымом.

— Не достало, снаряд слабый?

— Щиты приняли, — сказал наблюдатель, почти ничего не пояснив. Я не понял, какие щиты могут быть у зурканов?

Около поднявшегося вверх Иглоспина «лопнул» ещё один снаряд. В воздухе снова дрогнула тонкая граница, на этот раз рвано. Крыло сложилось поперёк, тело перевернулось и стало падать.

— Первый разрыв просадил Щит Поля, — пояснил наблюдатель. — Второй пришёл, пока ядро не восстановило защиту. За щитом у них почти нечему держать осколок.

«А-аа, монстры используют энергию своих ядер для некой защиты!» — вот теперь, кажется, понял.

Перевёл подзорную трубу на артбатарею. Солдаты что-то крутили на снаряде небольшим приспособлением, и только потом подавали к пушке. Подозвал к окуляру другого наблюдателя и спросил:

— Выставляют разрыв?

Наблюдатель угукнул:

— Да, княжич, время подрыва. По дистанции и ходу цели. Иглоспины не ждут, пока мы тщательно прицелимся, стреляем в предполагаемое место их нахождения.

Над лодками уже вытягивалась редкая цепь тёмных облачков. Ни одно орудие не держало летуна непрерывно. Люди вручную ловили упреждение, задавали замедление взрывателя,

заряжали и спускали. Пока снаряд доходил до места, Иглоспин чаще всего успевал переложить крылья и уйти.

Для плотной стаи этого хватало: щиты вспыхивали от осколков, тела сталкивались, строй разваливался, отдельные твари падали вниз, раненые или убитые. А вот одиночки проскакивали свободно — по ним огонь не сосредотачивали.

Иглоспин прошёл совсем низко над лодкой. Человек у кормы ударил по нему веслом. На короткий миг я увидел поднятые руки человека, раскрывшееся крыло и веер тонких игл на спине. Потом летун закрыл собой двоих.

Я вцепился в край столика:

— Там гибнут люди.

— Видим, — ответил дежурный.

Коротко, сухо, без раздражения. От этого стало хуже: он действительно видел, и приказ всё равно не менялся. Осколочный разрыв убил бы людей вместе с тварью.

Из лодочного сарая высунулся нос спасательного катера. Иглоспины нацелились на него. Пушки на гребне довернули стволы, но стрелять не стали — под боём оказался бы сам катер.

— Малые к берегу! — донёсся из громкоговорителя голос отца. — Первый, прикрыть катер. Второй — проход к убежищу. Третий — колонну.

На верхней дороге показалась колонна техники Дома и три Обличья.

Пятиметровая боевая машина сиганула через каменный забор, приземлилась на согнутые ноги, довернула корпус ещё в движении и побежала к воде. Вторая пошла правее, третья чуть ниже по склону, прикрыть разворачивающиеся передвижные пушки на электромобилях — подобия земных САУ.

У каждого малого Обличья за спиной было прикреплено длинное копьё с тяжёлым наконечником; в руках они держали короткие толстоствольные карабины.

«Калибр как минимум миллиметров двадцать» — подумал я.

— Три баронета на рубеже, — доложил наблюдатель. — Первый идёт к воде.

— Баронеты? — переспросил я. — Не князья?

Мать ответила:

— Служилые пилоты. Все трое из незнатных семей.

— Их приняли в Дом?

— На службу. Иногда достаточно сильный Отзвук находят и у простых людей. Затем школа, проверка, служба. Заслужившему дают личный титул баронета и офицерское звание. Собственного Щитового Дома от этого у него не появляется.

Снова посмотрел в подзорную трубу. Первый бежал мимо крайних дворов. Он не ждал: катер нуждался в прикрытии.

— А детям баронетов титул перейдёт?

— Это личный титул, Арсений. Если у детей обнаружится Отзвук, и они пойдут на службу, то получат свой. Третье поколение с Отзвуком — имеют право на создание Рода. Либо с выделением надела земли, либо в качестве Младшего в каком-нибудь Доме, — на этом справка закончилась.

Первое Обличье остановилось у причала и подняло карабин. Иглоспин над катером как раз развернулся телом вдоль берега. Выстрел!

После попадания вокруг летуна вспыхнул неровный ободок. Его снесло в сторону, но крылья тут же расправились. Он ушёл вниз, почти к самой воде.

— Щит держится! — прозвучало по радио. — Второй, внимание.

Второй ещё не добежал до убежища. Он выстрелил прямо на ходу, «от бедра». Попадание! Крыло летуна дёрнулось. Первый дал следующий выстрел, и Иглоспин, не закончив поворота, ткнулся в воду возле борта катера.

Тот прошёл мимо зуркана. На его корме стояли двое с баграми; один уже тянулся к людям у перевёрнутой лодки.

Наблюдатель поднял ладонь, обращаясь к дежурному:

— Восточная группа раздваивается. Часть на колонну, часть на батарею.

Пушки стационарной батареи продолжали бить поверх посёлка, по тем иглоспинам, кто держался высоко. Один из разрывов заставил Иглоспина провалиться вниз, в сторону сараев. По его телу пробежало тусклое марево. Второй нацелил ствол и выстрелил. Летун ударился о каменную стенку, оставив на ней тёмный след.

На свежем щите понадобилась работа двух Обличий. Сейчас хватило одного попадания.

Дальше всё начало происходить сразу.

Над каменистым гребнем, где находилась артиллерийская позиция, появились первые крылья. В дело вступили относительно малокалиберные пушки ПВО.

На каждой установке смонтировано по два ствола. Пока один откатывался после выстрела, расчёт снова ловил цель в перекрестье, в готовности открыть огонь из второго. Возле казённика работали двое: один подхватывал снаряд из подающего лотка, передавал напарнику, а тот загонял в ствол.

— Калибр какой? — спросил я.

— Тридцать миллиметров, — перевёл в привычные для себя меры ответ дежурного. — Специальные противовоздушные пушки.

Я следил за крайним орудием. Наводчики вращали маховики, ещё один человек, прижав к уху наушник, выкрикивал поправки. Движения были быстрыми и привычными, но между подачей снаряда и спуском каждый раз оставалась пауза.

Однако, «стена огня» из малых пушек, куда дополнительно вносили посильную лепту и большие, стреляющие картечью почти в упор летающим зурканам, делала своё дело — стаю хорошенько проредили, и она распалась, иглоспины поодиночке, парами и малыми группами улетали прочь.

— Большая группа иглоспинов направляется к колонне, — доложил наблюдатель.

Княгиня чуть сжала кулаки — там находился её муж и наш отец, защитник Дома, Упорного и всего острова Внешний Зуб.

Самоходные артустановки, как я видел, целиком состояли из одиночных пушек ПВО — отдачу больших колёсное шасси наверное не выдержало бы. Так что атака обещала стать самоубийственной для зурканов.

Однако одна САУ замешкалась, видимо, случилась какая-то техническая неполадка, и как назло, она стояла крайней в ряду, перекрывая сектор стрельбы остальным.

Третье Обличье закрыло собой временно небоеспособную установку. Большой карабин выстрелил дважды, с коротким промежутком. Вокруг нападающего Иглоспина сначала вспыхнул щит Поля, а второе попадание разорвало прозрачный ободок. Того отбросило вниз, в сторону моря.

Другая тварь зашла сверху, кувыркнулась, выровнялась уже за плечом Обличья. Оно развернулось, но летун успел ударить своим телом по тёмной передней пластине, за которой сидел пилот.

Боевая машина отшатнулась — сработали рефлексы человека.

— Третий, сбрасывай его! — рявкнул кто-то в эфире.

Со своего места в подзорную трубу видел Иглоспина боком. Компактное серое тело прижалось к металлу, перепончатые крылья хлопали по металлическому телу. По спине тянулся ряд тонких, будто вытянутых из стекла игл.

Зуркан цеплялся за края сенсорной пластины, и Третий не мог скинуть его — мешал карабин.

Пилот отпустил оружие, сгрёб тварь поперёк и рванул от себя. Вокруг пальцев Обличья прошла светлая рябь. Иглоспин выскользнул, оставив в захвате кусок крыла, и метнулся вбок.

Первый закрепил карабин у бедра и теперь в обеих металлических руках держал копьё. Один короткий выпад — и летуна, ещё не успевшего восстановить защиту после двух попаданий Третьего, пригвоздило к склону.

Копьё согнулось. Первый осадил корпус, высвободил наконечник и сразу развернулся к морю.

— Вижу только половину, — сообщил Третий по рации. — Слева темно.

— Держись за мной. Контролируй справа.

Пилоты произносили только то, что требовалось. Первый сместился так, чтобы перекрыть наполовину слепому Обличью левую сторону. Третий занял место выше, возле пушек. Второй остался неподалёку от убежища. Треугольник растянулся, но не распался.

С берега шли люди. Из башни они выглядели одинаково тёмными, и я различал их только по движениям: тот, кто тащил другого под руку; тот, кто всё время оборачивался; маленькая фигура между двумя большими. У ворот убежища их принимали и тут же уводили внутрь. За последними закрылась толстая створка.

Елена Михайловна попросила подтвердить, что в убежище есть фельдшер. Ей ответили не сразу.

Тем временем стая надавила на колонну. Третий выстрелил по летуну, который шёл вдоль дороги, и не успел убрать карабин. Иглоспин врезался ему в левое плечо. Обе фигуры закрыла короткая вспышка. Обличье развернуло, рука соскользнула с оружия и повисла. Тварь отбросило к земле; Первый добил её копьём сверху.

— Третий, состояние? — спросил отец.

Ответ пришёл после тяжёлого выдоха:

— Плечо. Левая рука не работает. Ноги целы.

— За камень. Ствол на упор. Сектор не расширять.

Повреждённое Обличье попятилось за валун. Оно шло иначе, чем минуту назад: осторожно, с небольшим наклоном корпуса. Свободная рука качалась при каждом шаге. Пилот остановил это раскачивание, довернув плечи, и лишь потом положил карабин на камень.

Из громкоговорителя донеслось короткое ругательство. Следом — спокойнее:

— Первый, у белого сарая! Три низко!

Второй двинулся навстречу. Он успел дважды выстрелить по переднему. Щит вспыхнул, тварь ушла в сторону, а две другие проскочили под поднятым карабином. Первый пока был слишком далеко. Одна пушка в колонне опустила ствол и остановилась: между ней и целью стояли дома.

— Расчёты, нижний угол не брать! — приказал отец. — Второй, прижми к воде. Первый, поддержать.

Иглоспины развернулись к ним.

Второй также отбросил карабин на подвес и ударил копьём поперёк прохода. Наконечник не попал в тело, только по воздуху прошла светлая дуга. Но летуну пришлось отвернуть. Пилот шагнул следом, закрывая выход, и в этот момент мать сказала:

— Что за Обличье идёт к Мысовому?

Дежурный в башне повернулся чуть правее. По дороге вышагивала «Сайна» — Обличье Александры, моей сестрёнки. Только полная неожиданность не позволила матери узнать её.

На тренировке она казалась просто огромной, потому что стояла рядом с людьми. Теперь рядом были малые Обличья, и разница стала наглядной. Пятиметровые «малыши» перебегали между строениями, пригибались за стенами. «Сайна» шагнула с дороги и одним движением перенесла ногу через ограду, за которой они могли укрыться почти по пояс.

Саша спускалась к восточному краю посёлка. Стопы ложились широко; прежде чем перенести вес, она на мгновение замирала. За правым плечом торчала рукоять меча, а сам клинок шёл по диагонали спины, почти до противоположного бедра. Возле белого сарая её плечи оказались намного выше конька крыши.

Елена Михайловна подошла к связисту:

— Ну я ей покажу! Вызывай!

—Сайна, Сайна, ответьте Башне…

—Башня, это Сайна, иду на помощь, — в комнате из громкоговорителя послышался задорный голос Саши.

—Дай-ка скажу ей пару ласковых!

—Сайна, здесь княгиня…

—Башня, не слышу вас, не слышу вас… — в голосе Александры сразу прорезался страх. — Конец связи.

На вызовы княгини она не отзывается. Но это вряд ли спасёт её от наказания позже.

В комнате стало слышно, как по стеклу над картой скользнул металлический флажок, обозначающий врага.

Елена Михайловна смотрела на микрофон ещё секунду, затем положила его перед связистом. Тот не стал поднимать глаза.

По радиоканалу заговорил отец:

— «Сайна», боевую связь не отключать. Восточный проход держать с берега. Сектор меча — только к воде. Подтверди.

— Приняла. Восточный проход, берег, сектор к воде.

Как и думал, нас она слышала прекрасно. Я ожидал, что мать потребует ей немедленно вернуться. Но над белым сараем уже мелькали крылья иглоспинов — надо биться.

Елена Михайловна коротко вздохнула и отодвинула папку, чтобы не мешать дежурному работать с картой.

«Сайна» остановилась перед сараем, взялась за рукоять меча.

Спинные зажимы разошлись. Она вывела меч в сторону, разворачивая вместе с ним корпус. Это заняло время: длинному клинку требовалось место, и за спиной оставалась крыша. Второй прикрыл её выстрелом. Бледная вспышка ударила возле Иглоспина, который уже спускался сверху.

Меч вышел из-за плеча. Никакого сияющего лезвия не было. Просто тёмная широкая полоса металла, усиленный обух, светлые каналы вдоль кромки. Шесть с лишним метров рабочего инструмента, который приходилось разгонять всем телом.

Саша провела им снизу вверх, в свободное пространство над водой.

Перед самым касанием с зурканом вдоль кромки пробежал холодный блеск. Возле Иглоспина выгнулся знакомый прозрачный ободок, но в месте удара он сломался мелкой дрожью. За ним меч встретил тело. Летун развалился на две части прямо в воздухе.

Клинок ушёл вверх. «Сайна» переставила ногу, гася его движение.

— Усиление по кромке? — спросил я, не отрываясь от трубы.

Наблюдатель коротко подтвердил:

— На ударе. Расшатывает щит в месте контакта.

Увидел следующий удар и понял, зачем он добавил последние слова.

Второй Иглоспин, пролетая мимо, резко сложил крылья. Саша достала его краем клинка, почти плашмя. Воздух вспыхнул, тварь отшвырнуло, но щит удержался. Меч уже шёл дальше. Саша не могла вернуть его вслед за маленьким телом, которое развернулось и скользнуло вниз.

— Под правой! — предупредил Первый.

«Сайна» убрала руку и повернула корпус. Иглоспин вылетел у неё из-за локтя. Первый встретил его карабином; на сей раз тело ударилось о землю без вспышки.

Следующую пару Саша взяла иначе. Она не потянулась за ближним, а отступила на полшага, пропуская его мимо. Второй попал в сектор меча. Короткий блеск, удар, мясо.

— Три слева, малые, прикройте! — скомандовал отец.

Саша ничего не сказала. «Сайна» уже принимала на себя ещё двух.

Я помнил её на учебной плите: едва заметный качок, инструктор, страховочные стропы. Здесь строп не было. Она пропускала удар мимо корпуса, доворачивала стопу, меняла хват. Иногда опаздывала с мечом, и тогда малые забирали прорвавшуюся тварь. Иногда сама останавливала атаку одним широким движением, давая помощникам время перезарядиться.

Верх и стороны держали пушки. Ниже, у домов, работали карабины малых Обличий. «Сайна» заняла открытый край берега, где она могла свободно размахнуться.

Очередной снаряд разорвался над группой, собравшейся чуть поодаль, над рифом. Иглоспины разом провалились вниз. Они больше не шли плотной массой на посёлок: расходились, меняли высоту, пытались проскользнуть над самой водой.

Пушки перестали доставать их у берега. Зато летуны оказались на высоте, где «Сайна» могла бить без широкого замаха.

Саша сделала два коротких шага вдоль воды. Под правой стопой была сухая каменная полка, под левой — та же плита, прикрытая тонким слоем прибоя. Она проверила опору, перенесла вес и ударила вдоль кромки берега.

Один Иглоспин ушёл от меча к рифу. Повёл трубу за ним и заметил, что рисунок воды возле Сашиной ноги странно сдвинулся. Волна шла к берегу. Прозрачная складка — поперёк волны.

— Сайна, у левой ноги! — крикнули по радио, кто-то тоже заметил непорядок.

Александра начала разворот, но уже с запозданием. Левая стопа отрывалась от дна, когда из воды поднялись две широкие створки, которые сомкнулись на голени.

Я увидел только ободок прозрачных зубчатых пластин и чёрную щель между ними. Затем возле ноги вспыхнуло, вода вздулась длинным горбом, и «Сайну» дёрнуло к морю.

Саша успела опустить меч и подать корпус назад. Правая стопа удержалась на сухом камне; левая поехала наружу. На мгновение «Сайна» застыла в нелепом выпаде, ещё пытаясь собрать под собой опоры. Потом тварь рванула снова, ниже, почти вдоль дна.

Двенадцать метров металла рухнули на бок.

Сначала исчезла нога, следом ударилось о воду бедро. Правое предплечье легло на край каменной полки. Меч стукнулся о неё плашмя и скользнул под руку. Над берегом поднялся веер брызг. Звук добрался до башни позже, тяжёлым, глухим ударом.

Внезапно почувствовал, что не могу вдохнуть. Ремни вдавились мне в грудь. Я сидел на стуле, никакого пилотского ложа Обличья подо мной не было, но тело этого не поняло. Рот сам широко открылся в попытке глотнуть воздуха. Под рёбрами похолодело, ноги потянуло вниз, туда, где не было опоры. Нащупывал пальцами край столика и никак не мог разжать их достаточно, чтобы ухватиться.

Из громкоговорителя донёсся сдавленный выдох Саши.

— «Сайна», ответ! — нервно воскликнул отец.

Шипение. Дыхание. Успел подумать, что сейчас оно оборвётся.

— На связи. Левая нога в захвате, — ответила сестра.

Мои пальцы наконец сомкнулись на деревянной кромке. Судорожно вдохнул и снова прильнул к окулярам.

Вода вокруг «Сайны» ещё оседала. Из неё выступало плоское тело длиной с малое Обличье, даже немного больше. Четыре плавника широко расходились по сторонам. Прозрачные пластины на спине преломляли свет так, что сквозь тварь будто просвечивало дно, только сдвинутое и переломанное на куски.

— Стеклорез! — доложил наблюдатель.

Теперь, когда зуркан двигался, я мог проследить очертания. На неподвижной воде не заметил бы ничего.

Створчатая пасть удерживала Сашину голень. Хищник коротко тряхнул головой, провернул корпус и выпустил металл. «Сайна» попыталась подтянуть ногу, но тварь тут же пошла выше, к сочленению у бедра.

— Первый, Второй, снять его! — скомандовал отец. К сожалению, пушки самоходных артустановок не простреливали берег из-за строений.

— Принял!

— Иду!

Малые Обличья кинулись на помощь. Первый выскочил на каменную полку, опустил ствол и выстрелил почти без упреждения. Над спиной Стеклореза выгнулась прозрачная дуга. Тело пригнулось к воде, но продолжило движение.

Второй дал ещё два отдельных выстрела сбоку. Дуга дрогнула, распалась светлыми пятнами. Следующее попадание уже высекло белую отметину на спинной пластине. От неё откололся острый кусок, однако хищник не опрокинулся и не обмяк, как Иглоспин. Под просевшим щитом у него оставалась настоящая броня.

— По спине не берёт! — сообщил Второй.

Первый убрал карабин. С пояса его Обличья размотался трос гарпунного копья.

Саша отталкивалась правой рукой от камня. Чтобы взять меч, требовалось освободить предплечье, а значит, лишиться единственной твёрдой опоры. Она попробовала подтянуть под себя правое колено. Стеклорез ударил ещё раз — коротко, под прикрытием её же корпуса — и «Сайна» снова легла на бок.

— Ногу не вырывай, — произнёс отец. — Корпус к берегу. Первому дай место!

Через радио слышал, как тяжело Саша дышит. В подзорной трубе было видно только неподвижную голову Обличья и поднимающееся из воды плечо. Что происходило в ложе, я не знал. Каждый новый звук заставлял прислушиваться: это сестра, помеха или скрежет металла?

Мать стояла рядом. Ладонь легла на спинку моего стула и сжала её.

Первый выбрал место для удара, но Стеклорез развернулся следом за Сашиной ногой. Копьё прошло по прозрачной пластине, соскользнуло, подняв брызги. Пилот отдёрнул его и отступил от раскрывшейся пасти.

— Не под борт, — радировал он Второму. — Прижмёт.

Тот уже заходил с другой стороны. Остановился, сместился выше по полке и снова опустил карабин. Выстрел. От спины отлетела ещё одна светлая щепка.

Стеклорез раскрыл створки почти поперёк головы. Между ними я различил кристаллические гребни, направленные внутрь, к тёмной глубине пасти. Он нацеливался на узкое место у Сашиного бедра. Там было нечего подставить вместо сустава.

Оторвался от трубы и посмотрел на микрофон. До него было меньше двух шагов. Рядом сидел связист, на берегу работали два пилота, отец уже отдавал приказ. Всё, что я мог крикнуть, они видели раньше меня. Потому вернулся к наблюдению.

— Дам толчок, — выдохнула Саша. — Первый, от воды!

Малое Обличье тут же отступило на сухую плиту.

— Второй, выше. «Сайна», один импульс, — подтвердил отец её решение.

Стеклорез снова сомкнул челюсти. Левая нога дёрнулась, за ней потянуло весь корпус. На этот раз Саша не стала вырывать её. Прижала правую руку к камню и довернула к твари левое плечо. Под ним коротко засветился контурный разрядник.

Над спиной Стеклореза обозначился щит Поля — неровный, уже истончённый выстрелами. В следующий миг он потерял очертания. Вода между тварью и «Сайной» провалилась, тут же вскипела белым и взлетела сплошной стеной.

Белая пелена закрыла мелководье. Удар пришёл через раскрытую форточку: низкий хлопок, от которого дрогнула стеклянная дверца шкафа. На море ещё стоял столб брызг, а от него уже расходились тяжёлые волны.

— «Сайна»!

— Захват сброшен. Контур горячий. Мощность просела, — Саша отвечала с паузами, добирая воздух между словами.

— Повтор запрещаю. Лежать, не вставать! — приказал отец.

Вода опала. Стеклореза отнесло от Обличья и развернуло поперёк мелководья. Плавники работали вразнобой, а створки пасти раскрывались с заметной задержкой. Между хищником и «Сайной» больше не было дрожащего прозрачного обода.

Первый прыгнул с полки по колено в воду. Его копьё вошло сбоку, за раскрытую челюстную створку. Робот подался вперёд всем весом, затем сразу отступил, выпуская древко. Трос натянулся. Стеклорез дёрнулся к морю, но Первый уже упёрся ногами в каменный край.

— Держу. Заходи!

Второй отбросил карабин на подвес. Его копьё прошло под передним плавником, туда, где прозрачные пластины расходились при движении. Первый потянул трос на себя, разворачивая цель. На мгновение мягкая складка между пластинами оказалась над водой.

Второй ударил. Тварь выгнулась, едва не вырвав Первого из упора. Тот сделал короткий шаг вперёд, удержал трос и снова подал корпус назад. Второй высвободил копьё и вогнал его глубже, почти до утолщения древка. Вокруг наконечника вода потемнела.

Над ними скользнула тень.

— Верх! — подсказал наблюдатель.

Третий уже навёл карабин с каменного упора. Один выстрел заставил Иглоспина свернуть. Следующий прошёл мимо: фонтанчик поднялся далеко за мелководьем. Летун попытался развернуться, Третий поймал это движение, грянул выстрел. Щит уже погас, снаряд ударил в тело. Летун упал рядом со Стеклорезом.

Второй всё ещё держал копьё обеими руками. Под его ногами медленно расходилась тёмная вода. Плавники хищника судорожно свелись, потом один распластался по поверхности. Первый также не ослаблял трос, принайтованный к копью.

— Не движется, — сообщил Второй.

— Проверьте. «Сайну» прикрывать.

Повисла тишина. На стене щёлкали часы, и я впервые услышал их за всё утро. Мать убрала руку со стула. На дереве остался влажный след от ладони.

«Сайна» пошевелилась. Сначала подняла голову, потом повела правым плечом. Меч по-прежнему лежал на каменной полке. Саша освободила его рукоять, но брать оружие пока не стала.

— Правая опора держит, — сказала она. — Левую проверяю.

Стопа медленно повернулась. При попытке подтянуть ногу из-под воды показался отогнутый щиток. Он зацепился за край плиты и остановил движение.

— Не тяни, — предупредил Первый. — Вижу зацеп.

Он ослабил трос, приблизился и прижал щиток ладонью. Саша подвела ногу ближе к корпусу. Движения «Сайны» стали тяжёлыми, с остановками; там, где раньше проходил один плавный перенос веса, теперь требовалось несколько попыток.

— Только через правое колено, — сказал отец. — Второй, страхуй со стороны воды.

Малое Обличье встало ниже по склону. Удержать падающую «Сайну» целиком оно бы не смогло, и пилот не пытался лезть под неё. Он подставил плечо сбоку, не давая корпусу снова завалиться к морю.

Саша опёрлась ладонью о каменную полку, подтянула правое колено и приподнялась. На секунду остановилась. Потом перенесла на него вес, разогнула руку и выставила здоровую ногу. Левая волочилась по дну, оставляя мутную полосу.

Поймал себя на том, что упираюсь ступнями в перекладину стула, будто это могло помочь ей подняться.

Наконец «Сайна» выпрямилась. Не до конца: левое колено осталось немного согнутым. Саша постояла, проверяя равновесие, затем осторожно вынула из воды стопу и поставила её на сухой камень.

— Стою, — доложила она.

Только после этого Елена Михайловна выдохнула.

Я не сразу понял, что изменилось в Мысовом. Иглоспины всё ещё носились над бухтой, отдельные заходили со стороны домов, пушки продолжали стрелять. Но прежнего общего навала больше не было. Несколько тварей потянулись к морю, низко, с неровными взмахами. Другие пристроились следом.

Один летун пытался подняться над стаей. Близкий разрыв отбросил его вбок. Вокруг тела мелькнул слабый ободок, почти сразу погасший. Иглоспин потерял высоту и пошёл прочь один, не возвращаясь к остальным.

Им больше не удавалось сомкнуться. Когда очередная группа собиралась над водой, туда сразу ложились близкие разрывы. Твари расходились, тратили силу на новый манёвр и снова попадали под огонь. У самого берега их перехватывали малые Обличья.

— Основная группа отходит на внешний риф, — доложил наблюдатель. — Высоту не набирают.

— Батарея, перенести огонь за риф, — приказал отец. — Обличьям оставаться на берегу.

Первый развернулся было вслед за двумя низкими целями.

— Первый, границу не переходить. Преследование запрещаю, — велел командующий, то есть, отец.

Из штаба пролива пришёл ответ. Связист выслушал его, повторил и передал дежурному:

— Вересовы подтвердили общую обстановку. На соседних участках подхода нет. Силы Домов остаются на своих рубежах.

На карте у полосы моря ещё оставались красные флажки, но теперь помощник дежурного сдвигал их прочь от Мысовой.

«Сайна» наклонилась за мечом. Первый придержал клинок у камня, пока Саша меняла хват. Поднимать его в спинное крепление она не стала: понесла низко, вдоль берега, чтобы при качке никого не зацепить. Второй шёл рядом, выбирая ей дорогу. Несколько раз он останавливался и показывал копьём, куда лучше поставить ногу.

До сухой площадки за сараем им оставалось всего несколько шагов. На них ушло больше времени, чем на весь спуск «Сайны» к воде.

Елена Михайловна дождалась паузы в переговорах:

— Состояние «Сайны»?

— Хорошее, — ответила Александра. Голос говорил, что она уже чует последствия.

Мать прикрыла глаза, сразу же открыла. О самовольном выходе она не сказала ни слова.

Последние выстрелы в Мысовой стали редкими и далёкими. Между ними открылись звуки, которые раньше тонули в грохоте: скрип поворотной стойки, звон телефона, стук каблука связиста о ножку стола. Через форточку тянуло прохладой. На полу у моего стула лежала трость. Я не заметил, когда уронил её.

Подняться самому сразу не удалось. Мать увидела, нагнулась и подала трость, ничего не спрашивая.

— Основная стая за пределами бухты, — доложили с восточной береговой башни. — Единичные цели к берегу не возвращаются.

Отец приказал начать поиск лодок за рифом. Связист сменил лист в журнале. Работа продолжалась тем же ровным голосом, только теперь чаще звучали слова «нашли», «нужны носилки», «ещё не ответили».

Спасательный катер снова вышел в море. На этот раз он шёл медленно, выбирая путь среди досок. На корме человек наклонился за борт, ухватил что-то багром, подтянул и отпустил. Катер двинулся дальше.

По верхней дороге от Мысовой к Упорному уходили Обличья. Сначала «Сайна» со Вторым. За ними — Третий, с опущенной рукой и неровно повёрнутой головой. Первый остался у воды, прикрывая спасателей.

Вчера смотрел на учебный сустав и думал о том, сколько работы потребуется, чтобы наша схема научилась держать корпус. Теперь по дороге шли эти корпуса, а внутри них сидели люди, которые только что сделали всё сами. Пока они удерживали берег, многие спаслись, добравшись до убежища.

Но всё равно не все. Связист протянул матери первый лист. Она пробежала его глазами и положила возле карты. С моего места было видно всего несколько строк. Двое погибших в посёлке. Девятерых сняли с лодок. Ещё две лодки не найдены; сколько человек вышло на них утром, пока уточняли.

Я посмотрел на бухту. На перевёрнутом борту, который заметил в начале боя, больше никого не было. Отсюда нельзя было понять, успел ли к ним катер?

— По рыбакам нужны имена, — сказала мать. — Свяжитесь со старшим пристани.

Дежурный убрал с Мысовой последний красный флажок, а на листе прибавилась новая строка…

Глава 4. Цена победы

— По двум лодкам сведений пока нет. Первое малое Обличье остаётся у воды, — доложил связист, положил трубку и потянулся к следующему аппарату.

На краю стола лежала стопка исписанных листков. Во время боя их хватали, читали, передавали другому; теперь на каждом задерживались, сверяя фамилии.

За окнами башни больше не гремели залпы. От этого стали слышны звуки, на которые раньше никто не обращал внимания: скрип стула под наблюдателем, стук карандаша о доску, испуганные голоса птиц за окном. Я всё ещё держал ладонь на колене. Нога была моя, целая. Можно было перестать её проверять.

Наблюдатель протёр окуляр и снова припал к нему. Внизу, у воды, всё ещё находились люди — военные и спасатели, из нашей башни могли вовремя заметить опасность для них.

На карте в центре комнаты остались прижатые грузиками записки; одну связист передвинул от пристани к внешним камням. Следил за его рукой, ожидая услышать хоть что-нибудь о пропавших лодках, но он лишь показал — уточнил, куда отправили следующую поисковую группу.

Со двора донёсся гудок. Потом ещё один, короткий. Во время боя такие звуки тонули в общем грохоте, а теперь каждый заставлял прислушаться. Тишина за окнами ещё ничего не обещала.

—Раненых с пристани повезли? — спросила Елена Михайловна.

— Первый транспорт уже у нижних ворот. Второй под погрузкой.

—Лазарету доложили?

— Так точно, — коротко отозвался связист.

Мама кивнула своим мыслям и посмотрела на меня:

— Пошли?

Я встал слишком резко. В пояснице тут же потянуло, и пришлось подождать, пока правая нога согласится принять вес. Мать придержала дверь лифта, пропуская меня в кабину, ехали в задумчивом молчании.

Во дворе люди расходились перед электромобилем с носилками. Санитар шёл у заднего борта, поддерживая голову лежавшего там мужчины. Из-под одеяла торчала босая ступня, вся в присохшем песке. У ворот кто-то спорил с водителем, требуя отцепить пустую тележку: та перегораживала поворот.

Остановился, чтобы пропустить авто. Думал расспросить санитара, но люди работали, и отвлекать их не стоило. Тем более, хотел увидеть последствия боя для Обличий.

На электромобиле выехали к верфи, у её проходной нас встретил посыльный:

— «Сайна» подходит. Подготовили второе ремонтное место.

Елена Михайловна ускорила шаг. Через пару-тройку метров заметила, что я отстал, и остановилась возле пожарной водоразборной колонки, будто ей действительно понадобилось поправить перчатку.

За проходной освобождали главный проезд. С краю ещё стояли тележки, которые бросили там по тревоге; теперь их развозили по местам. Рабочий в расстёгнутой куртке поднял с разметки оброненный кем-то инструмент и оглянулся на ворота.

Мы оба почувствовали возвращение боевых машин подошвами. Удар, короткая пауза, ещё удар — слабее. Первой над крышами показалась верхняя часть «Сайны», затем корпус полностью показался из-за складов.

С башни я видел её целиком, рядом с водой и маленькими фигурками людей. Здесь двенадцатиметровая махина, казалось, заслонила всё небо. На левом щитке белели свежие царапины; отогнутый край торчал наружу и цеплялся за кусок оборванной облицовки.

Левую стопу Саша ставила осторожно, словно больную. После каждого такого шага корпус на мгновение замирал. С опоры осыпался мокрый песок. Ровного шага не получалось: левой ногой она словно догоняла правую. От массивной стопы уходили вверх тяги и броня, а ещё выше, за закрытым люком, находилась сестра.

У поворота рабочий поднял руку. «Сайна» остановилась, пока из проезда вывозили последнюю тележку. Саша не стала переступать на месте, устраиваясь удобнее. Так и ждала, перенеся большую часть веса вправо.

Второй шёл сбоку, со стороны повреждённой ноги среднего по классификации Обличья. Его карабин был закреплён, рука оставалась приподнятой. Подхватить падающую «Сайну» он вряд ли сумел бы. Помочь ей удержаться, пока она ещё не упала — мог.

Фаддей стоял у разметки, запрокинув голову. Над ремонтным местом уже двигалась крановая тележка, готовясь принять концы строп, которыми будут страховать «робота».

— Ещё полшага. Правой, — сказал мастер в переговорную трубку. — Теперь стой.

«Сайна» остановилась. Левый щиток тихо скрежетнул.

— Саша, не выправляй. Мы видим. Держи как есть.

Варвара ждала у пульта с раскрытым журналом. Она смотрела попеременно на приборы и на стопу, под которую рабочий подводил опорную колодку.

Я вспомнил рисунок: груз над шарниром, одна опора, короткая дуга вокруг неё. Под действием «автоматики» шарнир возвращался к середине. Здесь вместо «автоматики» была Саша. Она удерживала наклон, выбирала момент, когда можно перенести вес, замечала то, чего не показывал щиток на пульте. И продолжала это делать, пока рабочие не закрепили корпус.

— Опоры приняты, — сказал Фаддей.

Только тогда Варвара разрешила снять нагрузку с приводов.

За спиной «Сайны» появился Третий. Его левая рука висела вдоль корпуса, прихваченная транспортной стяжкой. На месте части сенсорной облицовки темнела рваная щель. Малое Обличье прошло мимо нас короткими, нарочито ровными шагами.

Недолго проследил за ним и снова посмотрел наверх — люк «Сайны» до сих пор оставался закрытым.

— Почему не открывается? — уточнил я.

— Потому что сначала надо разорвать сопряжение, — ответила Варвара, не оборачиваясь. — Правильно разорвать. Без спешки.

Время возле закрытого люка растянулось. Один из техников поднялся по лестнице и исчез за выступом корпуса. Другой ждал у пульта, держа ладонь над переключателем. Варвара задавала короткие вопросы и каждый раз дожидалась ответа сверху. Я различал отдельные слова, но по ним нельзя было понять, что сейчас чувствует Саша и сколько ещё ей лежать внутри?

Мать и я молча ждали окончания процедуры. Только когда наверху откинули крышку и человек у пульта убрал руку, она сделала шаг вперёд.

Двое техников под руки вывели Сашу на площадку лестницы. Она попыталась отнять локоть у ближайшего, но тот что-то сказал ей, и спорить она не стала.

Наверх ушёл подъёмник, три человека погрузились в него, и начали спускаться.

На нижней площадке Александра всё-таки сделала два шага без помощи. На третьем остановилась и прижала ладонь ко рту.

Мать подхватила её за плечи. Сестра отвернулась, зажмурилась, переждала. Потом сердито вытерла глаза тыльной стороной руки.

Под глазами у сестры залегли тени. На щеке отпечаталась складка подкладки; волосы у виска слиплись. Она оглядела нас, чуть прищурилась и задержалась взглядом на матери.

—Отпустило.

—Хорошо. Теперь в лазарет, — врач говорил с ней обычным голосом, каким, наверное, отправлял любого упрямого рабочего с рассечённой ладонью в перевязочную.

До медицинского пункта было недалеко. Обогнули торец пролёта и подошли к распахнутой двери. Изнутри её придерживала медсестра с пустым лотком. Саша остановилась перед порогом, будто собираясь с силами для ещё одного шага. Мать ничего не сказала, только плотнее взяла её под локоть. На этот раз сестра позволила себя поддержать.

Внутри, после закрытия двери, звуки верфи сразу стали глуше. На светлом полу тянулись грязные полосы от колёс, у стены теснились каталки. Санитарка протирала проход между ними и отступила в сторону, пропуская нас.

Мне указали на скамью в коридоре. Я сел и понял, что ждал этого уже несколько минут.

За дверью задавали вопросы. Болела ли голова до применения разрядника? Двоилось ли перед глазами? Была ли потеря сознания? Саша отвечала сначала быстро, затем между вопросом и ответом появились паузы.

В коридоре было тесно. На вбитых возле двери крючках висели чужие куртки, на полу под ними стояла пара тяжёлых сапог с обрезанными шнурками. Проходя мимо, фельдшер отодвинул их носком к стене. Потом вернулся, поднял и поставил аккуратно рядом. Я зачем-то запомнил это маленькое движение.

В моей прежней работе на Земле наступал такой же промежуток: машину уже вывели, людей передали врачам, а руки всё ещё искали управление. Тогда можно было заняться кабелем, разъёмами, укладкой оборудования. Здесь мне нечего было складывать. Сидел с тростью между ног и прислушивался к голосу за дверью, различая скорее усилие, с которым Саша отвечала, чем сами ответы.

На соседней скамье сидел пилот Третьего. Он оказался невысоким широкоплечим мужчиной с седой прядью над ухом. Обе руки были на месте, фельдшер замерял пульс.

Я заметил, что он всё время чуть наклоняется вправо:

— Долго так держали руку? — спросил у него.

Он посмотрел на меня, потом на своё плечо:

— После нападения Иглоспина? Пока ремнём не прихватили. На обратном пути уже легче.

— Пилота не расспрашивать, — вмешался фельдшер. — Ему сейчас и без вас есть чем заняться.

Тот едва заметно усмехнулся и закрыл глаза.

Медработник попросил его поставить обе ступни ровно. Мужчина послушался, но через несколько секунд снова перенёс вес вправо. Тогда под его левый локоть подложили свёрнутую простыню, а к спине придвинули подушку. Всё это сделали без замечаний. Думаю, здесь уже знали, как выглядит возвращение пилота.

Он приоткрыл глаза, нашёл взглядом дверь смотровой и опять их закрыл. Ни о бое, ни о своей руке больше не заговорил.

Пилот уже вышел из повреждённого Обличья, а привычку удерживать вес на одной стороне всё ещё не мог оставить — технология «сопряжения» совсем не безопасная. Повреждения Обличья мозгом воспринимаются как собственные. Что далеко ходить, достаточно глянуть на меня самого…

Отец пришёл минут через десять. На сапоге у него засохла светлая полоса ила. Пустой левый рукав был убран под ремень, на правой кисти виднелась ссадина.

— Саша?

—Закончили осматривать, — ответила мать из дверей. — Зайди.

Он исчез в комнате. Я слышал голос врача, но слов не разбирал. Потом меня тоже позвали.

Поверх ширмы была переброшена Сашина пилотская одежда — пустой рукав свешивался почти до пола. Отец остановился возле изголовья кушетки, оставив врачу место. Отец не перебивал врача, но смотрел на дочь всякий раз, когда она шевелилась.

Саша сидела на краю кушетки, уже в чистой рубахе. Над воротом виднелись следы ремней. Стакан она держала обеими руками, но вода всё равно мелко дрожала.

—Признаков тяжёлой травмы не наблюдаю, — сказал врач. — Есть перегрузка после глубокого сопряжения, тремор. Головная боль и тошнота должны скоро пройти. Сегодня остаётся под наблюдением, к вечеру посмотрю ещё раз.

— Когда сможет сесть в ложе? — спросил отец.

Саша подняла голову.

— Когда разрешу. Повторное глубокое сопряжение пока исключено. Даже ненадолго. Особенно «только проверить», — добавил врач, глядя уже на мою сестру.

— Я поняла.

—Улучшения состояния на пять минут недостаточно. Нужно убедиться, что и после отдыха симптомы не вернутся. Тогда будем разговаривать.

Он вышел из смотровой, вместо него вошла Варвара. Отец кивнул ей и спросил:

—«Сайна»?

— Стоит на опорах. Повреждения левой ноги, перегрев контура. Подробности после вскрытия. Ядро из режима вышло штатно.

Он ещё несколько секунд смотрел на дочь, потом взглянул на мать:

—Разговор выдержит?

—Короткий. И сидя. Если снова начнёт тошнить, прервётесь.

Александра поставила стакан на табурет и приготовилась.

Отец сел напротив Саши, мать осталась стоять. Я поставил трость между коленями; Варвара устроилась сбоку, с тем же журналом, который держала у пульта.

—Разберём твой выход…

Сестра напряжённо выпрямилась, и взглянула в глаза отца.

— После включения в боевой порядок ты удержала восточный проход. Работала с малыми. Команды выполняла. Импульс согласовала, запрет на повтор соблюла.

Она кивнула, не отводя глаз.

— А теперь скажи, кто приказал тебе вывести «Сайну»?

— Никто.

— Кому ты доложила перед выходом?

—Никому. Я услышала, что гибнут люди.

— И решила сама.

— Да.

Отец помолчал.

— Ты вывела боевую машину без приказа. Я не знал, что ты выйдешь, и не мог включить тебя в расчёт. Не знал, исправна ли она после учебной работы, готова ли ты сама, кому придётся тебя прикрывать?

—«Сайна» была исправна, я проверила.

— Что ты проверила?

Саша перечислила. Коротко, без запинок. Варвара один раз подняла взгляд от журнала, но не поправила её.

—Хорошо, — сказал отец. — С этим справилась. Почему не доложила?

— Ты бы велел остаться.

—Возможно.

— А там люди бежали к убежищу и гибли.

Она произнесла это без нажима. На последнем слове у неё дёрнулась щека, и сестра сжала зубы, пережидая боль.

— Я видел, что там происходило…

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты хочешь отвечать за участок. На участке действуют другие люди. Им нужно знать, что ты собираешься делать, прежде чем начнёшь.

Саша опустила глаза на его руку:

— Я бы успела доложить по дороге.

— Успела бы. Но не доложила.

За дверью проехала каталка. Колёсико стукнуло о порог, кто-то попросил приподнять ноги. Мы замолчали, пока звуки не удалились.

— Я не скажу, что зря пошла, — тихо и упрямо произнесла Саша. — Я могла помочь.

—Помогла, — ответил отец. — Это уже сказал. За помощь тебя никто не наказывает.

Он откинулся на спинку стула:

— Только представь, что Стеклорез дёрнул сильнее. «Сайна» легла в воду. Кто бы вытаскивал тебя из ложа?

Сестра не ответила.

—Второй? Тогда он не смог бы ударить Стеклореза. Первый? Тогда кто держал бы трос? Я не знаю, как пошёл бы бой дальше. И ты не знаешь. Поэтому хороший исход не даёт нам права считать твой выход правильным задним числом.

Отец говорил негромко. Саша смотрела на него так пристально, словно старалась найти в его словах хоть одно место, где можно возразить. Я сам перебирал то, что видел с башни: трос у воды, короткий разворот Второго, неподвижную левую руку Третьего. Стоило мысленно убрать кого-нибудь из них, и я уже не мог представить, чем закончится следующая секунда.

— А если тревога повторится сегодня? — спросил отец. — Тогда мне придётся считать, кто ещё может выйти. Ты тоже должна об этом думать. До выхода! И предупреждать…

Сестра отвела взгляд к окну. За стеклом тянулся серый камень стены соседнего корпуса. Ничего другого с её места не было видно.

— Боевой канал я не отключала.

— Знаю. После моего приказа ты оставалась на связи.

Вмешалась мать:

— А меня слышала?

Саша повела плечом и тут же поморщилась:

—Слышала.

—Значит, в следующий раз не говори, что пропадает связь.

— Мам…

— Я не стану спорить с тобой по боевому каналу. Но и угадывать, на самом деле у тебя повреждена аппаратура или ты просто не хочешь отвечать, тоже не должна! — повысила голос Елена Михайловна.

Сестра провела ладонями по коленям:

—Хорошо, я поняла.

Мне хотелось вмешаться. Сказать отцу, что она не за славой побежала, Саше — что он всё утро слушал голос единственной дочери внутри Обличья, которое пытались разорвать у него на глазах. Но оба и так это знали. Моё объяснение только позволило бы на минуту уйти от того, что им предстояло решить.

—Самостоятельный доступ к «Сайне» закрыт до моего распоряжения, — сказал отец. — После медицинского допуска будешь заниматься под ответственностью инструктора. Любой выход — через него. В дефектовке и ремонте Обличья участвуешь лично. Конечно, в пределах того, что разрешит врач.

— То есть пилотом я остаюсь? — спросила сестра.

— Если научишься выполнять требования до боя так же, как во время боя.

Она посмотрела на Варвару:

— Когда вскрываете ногу?

— Уже начали. Не думай, сегодня тебя туда точно никто не пустит. А потом посмотрим, что скажет врач? Не переживай, работы хватит.

Саша медленно выдохнула. Кажется, до этого она ждала другого приговора. Пальцы у неё понемногу разжались. Она разгладила на колене рубаху, оставив влажный след от ладони. Я вспомнил, как уверенно она стояла возле люка «Сайны», как охотно отвечала, когда речь заходила о движении и равновесии. Это было дело, в котором она знала себе цену. Теперь ей предстояло вернуться к нему через чужое разрешение, и принять это оказалось не легче, чем признать самовольный выход.

—Поняла.

Отец поднялся, но не ушёл. Подошёл вплотную, опустил ладонь ей на плечо, пытаясь таким образом выразить свою любовь, заботу и тревогу. Сестра сидела неподвижно; потом наклонила голову вбок и прижалась головой к его руке.

Когда мы выходили, отец придержал меня у двери:

— Тебе тоже нужно отдохнуть.

— Нужно, — согласился я. — Но сначала хочу посмотреть Обличье.

Он посмотрел на трость, потом на Варвару:

—Посадишь его где-нибудь?

— Если сам сядет.

— Сяду, — уверил её. Обещать в тот момент было легко.

В коридоре пришлось переждать, пока освободят проход. Из перевязочной вывезли носилки; мужчина на них держал над грудью сложенную куртку и сердился, что её не дают положить под голову. Отец отошёл к фельдшеру, мать вернулась к Саше. Варвара придержала для меня наружную дверь.

На улице я снова увидел «Сайну». Над её левой ногой уже трудились, а щиток, за который утром цеплялась облицовка, лежал отдельно. Рабочие успели снять крепления и теперь освобождали доступ к суставу.

Варвара усадила у ограждения, положила на колени чистый лист и карандаш:

— Раз уж пришёл смотреть, записывай. Что не поймёшь, спросишь.

С моего места была видна почти вся нижняя часть «Сайны»; верх терялся за настилами и поперечными балками. Рабочие поднимали голову, прежде чем перейти из одного освещённого прямоугольника в другой. У каждого подвешенного узла был свой человек, который следил за тросом и предупреждал остальных.

Рабочий принёс дощечку для записей. Я устроил её на коленях, попробовал карандаш на краю листа. Когда-то так же приходилось заполнять рабочие ведомости, подложив под бумагу крышку ящика с инструментом. Только названия в здешней ведомости большей частью ещё предстояло выучить.

Снятый щиток лежал на деревянных подкладках. Вблизи он оказался толщиной с хорошую дверь. Край, который издали выглядел помятым, был разорван, и по линии разрыва металл выгнулся тонкими острыми лепестками.

Фаддей постучал по одному из креплений:

— Вот это сохраним. Остальное срезать.

Рабочий пометил мелом. Другой подцепил крановый крюк, выбрал слабину и отошёл. Мастер проверил крепление, после чего разрешил поднимать.

Без облицовки левая нога выглядела непривычно узкой. В щели между тягами набился морской песок. Один защитный рукав был сплющен, а ниже тянулась влажная полоса, обрываясь на шарнире.

— Поддон сюда, — сказала Варвара рабочему. — Прежде чем откручивать.

Она присела перед открытым узлом и провела светом переносной лампы вдоль соединения. Я ожидал увидеть главную поломку сразу: оборванный стержень, расколотый сустав. Вместо этого мастер заставлял двух человек понемногу разгружать одну тягу, потом другую, а Варвара сравнивала положение меток.

Сначала ожидание раздражало. После каждого короткого движения все снова замирали, лампа возвращалась к той же риске, Фаддей просил подать щуп. Потом я заметил, как под одной из прокладок выступила полоска жидкости. Её вытерли, повторили движение — и полоска появилась снова, но уже с другого края. Пока узел был стянут нагрузкой, эта щель не раскрывалась.

—Пишешь? — спросила Варвара.

— Пока не понимаю что, — честно ответил ей.

— Люфт в боковом сочленении. Уплотнение под замену. Защитный рукав туда же. Посадку проверим после снятия.

Записал. Фаддей поднял голову:

—Посадку красным. Пока не промерили, срок не давать.

Рабочий принёс другой карандаш и положил возле моего локтя.

Варвара потребовала подать питание только на измерительную часть. У приводов оставили разрыв; рукоять отсечки Фаддей перед этим забрал себе. По её просьбе рабочий качнул стопу вручную, насколько позволяла разгруженная подвеска. На шкале пульта дрогнула стрелка.

— Ещё раз.

Стопа чуть повернулась. Стрелка осталась на месте и лишь потом перескочила.

— Вот, — сказала Варвара.

Я подался вперёд:

— Не видит начало движения?

— В этой части хода. Возможно, пережало передачу к измерителю. Возможно, повреждение глубже. Сначала разберём.

— А Саша чувствовала, что стопа уже уходит?

— По всему остальному. Нагрузка на правой, наклон корпуса, давление здесь, — она коснулась металлического ребра выше шарнира. — Один ответ опаздывает, другие приходят. Пилот пытается свести их вместе.

То есть, Саше приходилось перед каждым левым шагом разбираться, что именно делает опора.

—Получается, она всю дорогу исправляла чужое враньё?

—Неполные показания, — поправила Варвара. — «Враньё» в ведомость не пиши.

Я вычеркнул начатое слово.

— А наша петля поверила бы этому измерителю, — вслух подумал я.

Варвара посмотрела на меня уже внимательнее:

— Если сделать петлю только по нему, да. Поэтому начинать будем с маленькой нагрузки и страховки. Но сначала разберёмся с тем, что здесь?

Она отошла к пульту, а я остался смотреть на неподвижную стрелку. Вчера хотелось как можно скорее замкнуть линию на рисунке. Сегодня к этому желанию добавилось ещё одно: заранее выяснить, чему именно собираюсь доверить движение.

Я умел работать по изображению с камер и судить о нагрузке по ответу робота. Если показания расходились, иногда помогал другой ракурс, иногда приходилось отводить манипу-

лятор и пробовать заново. Здесь Саша не могла остановить весь мир, пока выясняет причину запаздывания: под опорой уходили камни, рядом двигались люди. Рисунок одного шарнира от этого не становился бесполезным. Но расстояние между ним и реальным будущим «роботом» теперь представлял лучше.

В уголке листа поставил маленький вопросительный знак и обвёл название измерителя. Готового решения у меня не было.

Сверху позвали Фаддея. На обслуживающей площадке уже открыли кожух контура разрядника. Мастер поднялся, постоял возле монтажника, затем спустил в брезентовом мешке несколько снятых деталей.

Одна из керамических вставок треснула. По светлой поверхности шла неровная тёмная дорожка. Я потянулся было взять её, но Варвара перехватила мою руку:

— Ещё горячая.

—Столько времени прошло…

— Внутри не пустота. Снаружи уже остыло, под ним температура держится. Не торопись.

Монтажник сверху продиктовал номера секций. Варвара сверила их с журналом и попросила повторить третий.

— Этой секции на складе нет, — сказала она Фаддею.

— Есть комплект.

— Для «Бера».

Мастер спустился на несколько ступеней и остановился:

—Значит, нет.

«Бер» стоял через проход. Взять деталь можно было хоть сейчас. Потом моя бывшая машина ждала бы новую поставку. Возможно, так правильнее, учитывая, что я не могу выдержать глубокого сопряжения?

Через просвет между перегородками виднелась нижняя часть тяжёлого корпуса. Остаток правой ноги закрыли временным кожухом; ниже вместо опоры стояла ремонтная рама. В стороне, за своим ограждением, оставалось оборудование, в котором содержали снятое Ядро. В первый приход я разглядывал всё это, пытаясь понять, что произошло с «настоящим» Арсением? Теперь видел ещё и занятое место, людей, уже потраченное время.

—Оставшиеся секции сначала промерим, — сказала Варвара. — Подтвердится замена — закажем. На полном режиме до этого не пускать.

—Запиши, — велел мне Фаддей. — И доставку отдельной строкой.

— Это из-за того, что Саша неправильно дала импульс? — спросил я.

— Она дала разрешённый импульс, — ответила Варвара. — В тяжёлых условиях, после нагрузки. На то разрядник и стоит. Теперь мы проверяем, что он выдержал. Повторила бы — разговор мог быть совсем другой.

У снятого меча работали двое. Клинок уложили на длинные козлы, оставив свободными проводящие каналы вдоль кромки. Один мастер двигал лампу, другой отмечал повреждения. К обуху прилип кусочек прозрачной пластины. Его сняли щипцами и положили отдельно.

— Кромку восстановим, — сообщил Фаддею мастер. — Два участка канала под переборку. Спинное крепление надо править, повело нижнюю направляющую.

В моём листе появились ещё три строки.

Меч занимал столько места, что вокруг него пришлось заново прокладывать проход. У острия поставили стойку с красной тряпкой. По другую сторону лежали снятые части крепления, каждая на отдельной прокладке, и молодой рабочий переносил на бирки пометки мастера. На последней бирке он ошибся, перевернул её и написал номер заново.

Я проследил взглядом длинную линию кромки. В бою она мелькнула перед оптикой и тут же исчезла за брызгами. Чтобы вернуть ей прежнее состояние, люди будут часами стоять вот так, чуть согнувшись, передвигая свет и проверяя один участок за другим.

Даже простое «снять и проверить» означало людей, занятый подъёмник и несколько часов работы.

Елена Михайловна пришла со служащим конторы. Фаддей передал ему список снятых деталей.

Мать села рядом со мной, взяла черновую ведомость. Посмотрела на красные отметки:

— Эти суммы пока не считать окончательными? — спросила у мастера и инженера.

— До разборки, — подтвердила Варвара.

— Тогда заложим верхнюю границу. Уменьшить всегда успеем.

Она спросила о заказе керамики. Потом о стали для крепления, расходниках, сменах. Фаддей отвечал без обычных пауз, как человек, у которого все сроки уже разложены по местам и каждое новое требование надо куда-то втиснуть.

— Ночную смену дадим, — сказала мать. — Но людей после боя не оставляйте до утра.

— Этих и не собирался. Резервных вызвали.

Подвинул ей свой лист. Она прочитала его, поправила один номер и отдала служащему:

—Добавьте в предварительную, — распорядилась она. У меня впервые за утро получилось сделать что-то, что пригодилось.

Служащий ещё не успел уйти, когда к Варваре подошёл электрик. Он нёс свёрнутую схему и дождался, пока она закончит с последним креплением.

— Со станции спрашивают, сколько энергии держать за верфью? Когда уменьшать нагрузку?

—Ремонтные пролёты оставляем. Оружейную тоже. По остальным сверяй с мастерами, — ответила она. — И резерв разделочной не снимай.

Электрик сделал пометку и ушёл к распределительному щиту. Проводил его взглядом. Вокруг по-прежнему горели лампы, двигались подъёмники, и я принимал это как должное — так же, как работавшие телефоны.

—Электричество идёт с островной станции? — спросил я.

— Да, Центральная станция питает сеть всего острова. Часть электричества отдаём Внутренним Зубьям. А у верфи ещё свой резерв, на всякий случай.

— На чём она работает?

Варвара посмотрела на меня и отложила карандаш. Надеюсь, вопросом не вызвал никаких подозрений, что вместо хозяина тела сидит «попаданец».

— На Ядрах. Шесть средних, от водных зурканов, с устойчивой отдачей. Камеры, преобразователи, дальше обычная электрическая сеть. В резерве держим паровые установки.

Глянул на свисающую над столом лампу. Получалось, та же основа, которая позволяла Обличью двигаться, питала станки и освещала. Провода видел с первого дня; а вот до того, что находилось на другом их конце, руки с головой всё не доходили.

— И для этого нужен пилот? — задал следующий вопрос.

— Не пилот Обличья, требования ниже. Ядровый техник с высоким уровнем сопряжения, их ещё называют «настройщиками». Свёл Ядро с установкой, проверил режим. Потом следит за состоянием, приходит на перенастройку. Лежать рядом с ним круглые сутки незачем. Дежурные станции управляют электрооборудованием.

На площадке крикнули, чтобы освободили проход под краном. Варвара дождалась, пока снятую секцию переместят в сторону, и снова повернулась ко мне.

— В городе, на верфи, в доках, в крупных деревнях острова есть резервные ядровые станции поменьше, там стоят так называемые «предельные малые» ядра, которые не дотягивают до средних. Но у них и задача несколько другая — обеспечить резервное питание на время отключения основной линии. Если где-то порвало — остальные не должны ждать, когда её починят.

Отдельные вещи, которыми привычно пользовался здесь каждый день, начали складываться в хозяйство: источник энергии, линия до потребителя, запас на случай повреждения. У каждого звена были свои люди и свой порядок.

К Третьему мы перешли, когда под «Сайной» начали устанавливать ремонтные упоры. Рабочий перенёс мой стул, и Варвара дождалась, пока я сяду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.